

Краеведческий альманах

Администрация Выксунского района дарит своим землякам замечательный подарок – серию статей об истории приокского края, о людях, ковавших славу городу металлургов. Сегодня, решая насущные социально-бытовые и экономические проблемы, важно не забывать, что именно в глубине веков таятся истоки трудолюбия и мощного потенциала жителей города мастеров. Авторы и создатели данного сборника сумели донести до читателей чувство глубокого уважения к истории, традициям Выксы, людям, живущим в этом замечательном городе.

Губернатор Нижегородской области
В. П. Шанцев

**ПРИОКСКАЯ
ГУБЕРНИКА**

Выкса 2009

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 82(059)
П-76

Приокская глубинка № 1 (7) • 2009

Уважаемые читатели!

Сегодня вашему вниманию предлагается уникальный материал о Выксунском оперно-драматическом театре, имеющем 80-летнюю историю своего существования. В разные годы в театре работали известные в России актеры и художники. Безусловно, театр оставил свой след в культурной жизни России. О театре впервые публикуется статья Н. Д. Комовской, известной собирательницы фольклора, в том числе и выксунского. Об авторе вы узнаете в статье В. В. Балдиной.

Г. К. Никулина

© В. В. Балдина
© Н. Д. Комовская
© Администрация Выксунского района Нижегородской области

Валентина Васильевна
БАЛДИНА

ДЕЛО ВСЕЙ ЕЕ ЖИЗНИ

*Народное творчество есть лучшее,
настоящее искусство.*

Л. Н. Толстой

Родилась и росла она не в Выксе — в далеком сибирском Тобольске. Жила не в нашем маленьком провинциальном городе — в большой столичной Москве. В Выксунский район приезжала два раза в тридцатые годы прошлого века. Жила подолгу, собирала материал, много работала, о Выксе писала. В жизни нашего города оставила добрый след. Но немногие выксунцы знают об этом.

Я хочу рассказать вам, дорогие читатели, о ней — Нине Дмитриевне Комовской, замечательном человеке, о ее удивительной судьбе (7.04.1897 — 26.09.1986).

Мои краеведческие поиски начались с неудачи: ни в нашем областном архиве, ни в Центральном архиве литературы и искусства сведений о Нине Дмитриевне не было. Союз писателей дал краткую справку: «Литературовед,

прозаик, член Союза писателей СССР»; перечень основных фактов жизни; упоминание об увлечении фольклором. И только. А между тем центральные библиотеки Горького и Москвы прислали длинные списки работ Н. Д. Комовской по устному народному творчеству, свидетельствующие о ней как о собирателе и знатоке фольклора. Было над чем задуматься!

Я читала и изучала статьи и книги фольклористики, но не нашла в них живых, теплых сведений о ее жизни, о ней как человеке. И все-таки мне посчастливилось: я разыскала ее внучатого племянника. Игорь Дмитриевич Васысь хорошо, близко знал Нину Дмитриевну, родную сестру своей бабушки. Образованный человек из литературной среды, он охотно откликнулся на мою просьбу о помощи. В своих письмах рассказал о том, что меня интересовало, а для нашего музея прислал фотографии, документы, книгу Н. Д. Комовской «Предания и сказки Горьковской области», несколько ее статей по фольклору и исследование о Выксунском крепостном театре¹. Конечно, настоящая удача!.. Из сообщенного Игорем Дмитриевичем я узнала много нового, и это помогло мне полнее представить Н. Д. Комовскую и, главное, понять ее, как понимаешь близкого человека.

Жизнь Нины Дмитриевны, длиной почти в девяносто лет, богатая значительными событиями, напряженной работой ума и сердца, заслуживает, по моему мнению, самого пристального и доброго нашего внимания.

О родителях Н. Д. Комовской сведений почти не сохранилось. Известно только, что ее отец Дмитрий Емельянович служил в банке. Имя его в семье замалчивалось. Игорь Дмитриевич Васысь, упомянув об этой семейной тайне, предполагает, что тот был репрессирован и погиб. Такое стояло время. А Нина Дмитриевна даже в старости сердилась, когда племянник подступал к ней с расспросами о родных.

В Тобольске прошло детство Нины Комовской, здесь она с золотой медалью окончила гимназию. Рано потеряв

¹ Ныне все это покоится в архиве заводского музея.

отца и мать, переехала в Москву к родственникам. Началась самостоятельная жизнь, очень нелегкая: служба конторщицей в Народном банке, делопроизводителем, секретарем в разных учреждениях; грошовое жалованье. Такие трудовые университеты прошли многие люди ее поколения. Но у Нины Комовской была еще в ту пору и учеба в Московском университете на филологическом факультете. Что же ее поддерживало, помогало выстоять? Должно быть, сильный характер, трудолюбие, желание найти свою дорогу, целеустремленность, серьезный интерес к литературе. Может быть, вспоминалось ей смутное семейное предание об отдаленном родстве с Сергеем Дмитриевичем Комовским, соучеником Александра Пушкина по Лицею (комната № 35; лицейское прозвище Лисичка). В числе друзей поэта Сергей не был, но талант его ценил, стихи любил, тем, что знал его, до конца дней своих гордился. Именно он, Сергей Комовский, единственный из лицейстов, участвовал в создании биографии великого Пушкина (глава «Детство», ценная интересными деталями)². На торжественном открытии в Москве в июне 1880 года знаменитого памятника нашему поэтическому гению Сергей Комовский, старый и больной, не был. Он умер вскоре после этого события (1798—1880). Но и далекие потомки Сергея Дмитриевича память о некоторой близости его к Пушкину хранили как самое дорогое. И начинающего филолога Нину Комовскую это доброе старое предание грело, окрыляло, как волнующая тайна. Пушкина она боготворила, любила поэзию, сама писала стихи³.

В 1929 году Нина Дмитриевна окончила университет. Вскоре ее как знающего и способного филолога пригласили в редакцию Большой советской энциклопедии. Здесь сначала она была литсекретарем, а затем заместителем редактора отдела литературы и искусства. Редакция серьезная, научная; большая и ответственная работа.

² *Комовский, С. Д.* Из воспоминаний о детстве Пушкина. Подлинник рукописи хранится в архиве Пушкинского дома.

³ Автографы нескольких стихотворений Н. Д. Комовской хранятся в ЦГАЛИ (письмо от 5.07.1988).

И Нина Дмитриевна с головой ушла в интересное дело. В эти годы она написала целый ряд литературоведческих материалов для Большой, Малой, Литературной энциклопедий, для Словаря иностранных слов. Статьи ее на литературные темы, очерки появились в печати. И вот свидетельства ее успехов: в 1939 году Н. Д. Комовская становится членом Литфонда СССР, а в 1942 году ее, беспартийную, дочь репрессированного отца, принимают как литературоведа и прозаика в Союз писателей страны. Так к началу 40-х годов жизнь Нины Дмитриевны, как говорится, встала на крепкие ноги. Определился путь: литературоведение.

И вдруг – крутой поворот в судьбе. Начало его – 1936 год. Советская страна готовится к своему двадцатилетию. Редакция «Двух пятилеток» при издательстве «Правда» объявляет собрание фольклорных материалов для юбилейного сборника «Творчество народов СССР». Экспедиции собирателей-фольклористов отправляются во все края и области страны для работы. Н. Д. Комовскую, уже известную к тому времени серьезным интересом к устному народному творчеству, приглашают участвовать в этом важном деле. Она выбирает Горьковский край, зная, что он неистощимо богат народно-поэтическими произведениями (о чем не раз говорил М. Горький). Нина Дмитриевна активно включается в работу. Каждое лето в 1936–1940 годах, в 1947 и даже в 50-е годы она проводит на нижегородской земле, посещает с фольклорными экспедициями почти все районы области (в 1936 году – 19, в 1937 – 7 и т. д.).

Уже в июне – июле 1936 года в колхозах Уренского, Воскресенского, Семеновского районов Н. Д. Комовская с помощниками записала около 600 частушек, 60 сказов, 5 сказок, 20 песен. И это было только начало.

За годы работы она собрала громадный фольклорный материал, нашла немало талантливых сказителей, рассказчиков, песенников. «Богатства народного поэтического творчества области неисчерпаемы, – писала Нина Дми-

триевна. — ...Наша задача — не только шире развернуть собирание и изучение местного народного творчества, но и помочь сказителям выявить свои силы, свое мастерство»⁴.

Работа была большая, напряженная. Размах ее просто поражает. Участники экспедиции записывали дословно (диктофонов тогда не было) народные произведения только высокого качества (а их надо было еще разыскать); старались создать при этом обстановку творческую, чтобы сказитель чувствовал себя непринужденно, полно раскрыл свои возможности, свой талант.

Корреспонденции Н. Д. Комовской с мест печатали областные газеты («Горьковская коммуна», «Горьковский рабочий» и др.).

Работу собирателей одобрили специалисты. Академик Ю. М. Соколов, в те годы председатель фольклорной секции Союза советских писателей, рассказал корреспонденту ТАСС о первой поездке Н. Д. Комовской, что она «привезла в Москву более 800 частушек, 65 устных сказов, несколько десятков песен и т. д. Это большой успех» («Беседа с корреспондентом ТАСС». 14 октября 1936 г.)

Чистый родник народного творчества в Горьковском крае был, казалось, неисчерпаем. С восхищением писала Нина Дмитриевна об обилии и своеобразии народных произведений в каждом районе, о разнообразии их тематики и жанров, о большом количестве сказителей с самым разным репертуаром.

Работа по сбору фольклора увлекла Н. Д. Комовскую настолько, что она отказалась от своего штатного места в Москве, оставшись только автором статей в энциклопедиях. Фольклор стал ее единственной большой любовью. Ему — отныне и навсегда — были отданы все силы. Такой крутой, решительный поворот в судьбе, согласитесь, не всякому по плечу.

Разумеется, Нина Дмитриевна, филолог, азы фольклористики знала. Но теперь со свойственной ей энергией и

⁴ Сказы, рассказы, песни Горьковской области: Сборник. — Горький, 1956. — С. 49.

основательностью изучала материал углубленно. Об этом говорят ее многочисленные статьи, выступления, доклады по вопросам устного народного творчества⁵. Как и М. Горький, она считала народ «единственным и неиссякаемым источником ценностей духовных»⁶. «Велико значение устно-поэтического народного творчества, — писала Н. Комовская. — В нем с большой силой отражаются богатства внутреннего мира трудового народа, величие его национального духа»⁷. И это самое ценное в фольклоре, по ее мнению.

Нина Дмитриевна много, самозабвенно работала. И пришел большой успех, настоящие открытия.

Летом 1940 года в поселке Климовском Уренского района она познакомилась со сказочником Михаилом Ананьевичем Лебедевым, с ее легкой руки ставшим знаменитым Сказкиным (1883—1967). Талантливый человек, он хранил в своей памяти около 50 песен и свыше 100 сказок. Особенно хороши у него были сказки волшебные, нескончаемые, увлекательные, с очень сложными сюжетами, интересными героями. Весь колхоз любил слушать эти чудесные сказки своего плотника. Нина Дмитриевна писала о нем как о лучшем сказочнике Горьковской области (ее статьи в «Литературной газете», журналах «Огонек», «Социалистическое земледелие»). Она сделала о Сказкине доклад на секции народного творчества в Союзе писателей; пригласила Михаила Ананьевича в Москву, где он с успехом выступал перед слушателями. Народный самородок, он стал известен всей стране⁸.

Другим замечательным открытием Н. Д. Комовской в эти годы стала Выкса. Она вошла в жизнь фольклористики

⁵ Фольклор Горьковской области. //Литературный критик. — 1938. — №5. — С. 206—225. Организация фольклорных экспедиций. //Литература в школе. — № 3. — С. 71—74.

⁶ Горький, М. Разрушение личности //Комовская Н. Д. Предания и сказки Горьковской области. — Горький, 1951 — С. 3.

⁷ Комовская, Н. Д. Предания и сказки Горьковской области. — Горький, 1951. — С. 3

⁸ Померанцева, Э. В. Сказкин. //Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. — М., 1971. — С. 30.

несколько раньше и осталась в ней надолго, по мнению И. Д. Васыся, навсегда. В нашем районе Нина Дмитриевна побывала два раза. Жила по несколько месяцев, работала увлеченно и успешно.

В первый свой приезд, летом и осенью 1937 года, она со своими помощниками посетила девять населенных пунктов, главным образом на юге района (Семилово, Сноведь, Верхняя Веря, Нижняя Веря, Шиморское, Рожновский лесной участок и др.). Познакомилась с талантливыми народными сказителями – рабочими и крестьянами. От двадцати трех из них записала две сказки, несколько песен и десятки любимых народом старых преданий и легенд.

Летом и осенью 1940 года фольклорная экспедиция Н. Д. Комовской работала в шести населенных пунктах нашего района. Продолжено было записывание сказок, песен, частушек.

Народное искусство Выксунского района поразило собирателей. Произведения фольклора были многочисленны, разнообразны, увлекательны. Старина в них сочеталась с современностью и даже в какой-то степени переосмысливалась. Особенно интересны и замечательны были предания и легенды. Ими Выкса славилась.

Тогда, в 30-е годы прошлого века, предания и легенды еще широко бытовали и сохраняли свой особый, самобытный, не книжный характер. (Не случайно собиратели записи их вели не в городе, а главным образом в селах и деревнях, где эти старые произведения уцелели почти в первозданном своем виде.)

Нина Дмитриевна Комовская любила выксунские предания о старине, истории местных заводов, о знаменитых заводчиках Иване и Андрее Баташевых и их наследниках Шепелевых, о жизни рабочих людей, талантах и умельцах народных, об атамане Рошине. Эти прекрасные произведения, победив время, донесли до нас, выксунцев, особенности быта людей, факты самой истории, дыхание прошлого нашей земли.

Нина Дмитриевна обращалась к выксунским преданиям не раз, использовала их в своей работе и позднее. В памяти ее остались и талантливые люди, знатоки и исполнители народных произведений. Прекрасные рассказчики преданий — Витушкин Семен Иванович (Нижняя Верея), Капустин Иван Егорович (Сноведь), Шаронов Василий Иванович (Выкса), Шарова Мария Васильевна (Выкса). Это сказочники: Колобнев Дмитрий Ефимович (д. Ягодка), Яшина Елизавета Григорьевна (Семилово). Это знатоки и исполнители песен и частушек: Лялянов Иван Ефимович (пос. Шиморское), Денежкин Тихон Павлович (кордон Рожновского лесоучастка), Тугарева Наталья Николаевна (Сноведь)⁹.

Сокровища народного искусства, открытые Н. Д. Комовской в нашем районе, — своего рода волшебная шкатулка с драгоценностями. Она — для всех нас.

Тридцатые годы в жизни фольклористики завершились успешно. Это было для нее время близости к простым людям, неустанного, можно сказать, самоотверженного труда, немалых трудностей и серьезных успехов. Работу над книгой о Сказкине, а также изучение и редактирование собранных в Горьковской области громадных материалов прервала война. Завершен этот труд был уже в 50-е годы.

Тогда в Горьком одна за другой вышли три книги Н. Д. Комовской: «Предания и сказки Горьковской области» (1951 г.), «Сказки М. А. Сказкина» (1952 г.), «Рассказы, сказки и песни Горьковской области» (1956 г.). Это трилогия, в которой обобщено богатейшее народно-поэтическое творчество Нижегородчины. Выксунский фольклор широко представлен в первом из этих сборников: из 97 народных произведений в книге 55 — выксунские (46 преданий и легенд, 9 сказок). В сборнике «Рассказы, сказки и песни Горьковской области» 2 сказки, 10 песен, 12 частушек тоже родом из Выксы.

Книги Нины Дмитриевны Комовской по нижегородскому фольклору сделаны добротнo и с любовью. В них запись и редактирование текстов, обстоятельные вступи-

⁹ *Комовская, Н. Д.* Предания и сказки Горьковской области. — Горький, 1951. — С. 322-324.

тельные статьи, серьезные примечания к произведениям — все это труд самой Нины Дмитриевны. Интересны и важны характеристики от автора сказочников, рассказчиков, песенников.

Внимательно прочитав эти фольклорные сборники, вы получите представление не только о замечательных народных произведениях прошлого, но и о большой, нелегкой работе талантливой фольклористки. Труд ее достоин глубокого уважения, а книги, считаю, просто бесценны для нас, выксунцев.

Признаюсь, мне не довелось в наши дни познакомиться с работами нижегородских фольклористов такого же размаха и обстоятельности, с книгами, написанными популярно и доступными всем...

Однако пора нам, дорогие читатели, из 50-х вернуться в 40-е годы. Война. Тяжелейшее испытание для всей страны, для каждого советского человека. И время невиданного взлета народного патриотизма: «Мы теперь в ответе за Россию, за народ и за все на свете».

С первых дней войны, решительно оставив свои дела, Нина Дмитриевна Комовская работала санитаркой в госпиталях Москвы. Окончив курсы сандружинниц, в 1942 году добровольно ушла в действующую армию. Ей уже 45 (возраст пришлось убавить на 10 лет). И вот фронт, Ржевское направление, ожесточенные бои за город. Нина Дмитриевна — медсестра в полевом госпитале № 653. Он обслуживал 1-ю гвардейскую Краснознаменную танковую армию дважды Героя Светского Союза генерала М. Е. Катукова. Во время кровопролитного сражения на Курской дуге Нина Дмитриевна написала песню о героях-катуковцах. С песней этой бойцы из госпиталя уходили в бой.

Позднее Нина Дмитриевна как писатель была переведена во фронтовую газету «На разгром врага» литературным сотрудником, готовила к изданию «Боевой листок», часто выступала перед красноармейцами.

В 1944 году Санитарным управлением Советской армии из-за травм ног была демобилизована. Но «сороковые ро-

ковые», тяжелейшие бои, фронтовые товарищи остались в сердце Нины Дмитриевны навсегда. Бережно хранила она награды за участие в боевых действиях: Почетную грамоту Президиума Верховного Совета СССР, орден Великой Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией». Так был отмечен страной ее подвиг мужества и любви к Родине в военные годы.

Но война для этой удивительной женщины закончилась нескоро. Нина Дмитриевна еще много лет с присущей ей ответственностью работала в Советском комитете защиты мира. В 1946-1952 годах не раз бывала в партизанском крае, на Брянщине, проехала по следам Сумского партизанского соединения дважды Героя Советского Союза легендарного С. А. Ковпака (в годы войны он совершил 5 рейдов по фашистским тылам – свыше 10 тысяч километров). Нина Дмитриевна записывала материал об участниках боев, собирала партизанский фольклор. Она хотела рассказать о подвиге народа на войне, о героях-защитниках Отечества, используя документы и произведения фольклора.

В послевоенные годы Н. Д. Комовская, уже немолодая, но по-прежнему энергичная, продолжала активно работать как литературовед, фольклорист, писатель. Я уже говорила, что она подготовила к печати и издала тогда книги по нижегородскому фольклору. Нина Дмитриевна много ездила по стране, часто выступала. Не раз побывала в полюбившейся ей Горьковской области. В своих статьях рассказывала о новостройках: строительстве Горьковской ГЭС, пуске плотины и т. д. (Статья «Искатели нового». – Горьковская правда. – 1955. – № 247.) Несколько лет Нина Дмитриевна посвятила Сормову (книга «Заря над Сормовом», 1968 г.; очерки в сборнике «За власть Советов»). Она писала о настоящих большевиках, людях долга и чести. Последняя ее публикация по теме – очерк «Сормовичи Князевы» (Записки краеведов. Вып. 5. – 1981. – С. 91–99).

Сормово надолго вошло в творчество Н. Д. Комовской, но и Выкса не была забыта. Она, как и раньше, оставалась ларчиком бесценных народных творческих сокровищ.

Видимо, в Сормове Нина Дмитриевна извлекла из этого ларчика собранный ранее богатейший и интереснейший материал о крепостном театре Баташевых – Шепелевых и стала работать над ним. Часть ее изысканий «Из истории крепостного театра в Выксе» была напечатана в сборнике «Люди русского искусства» в 1960 году (г. Горький). Благодарную тему эту она не оставляла и позже. В 1978 году в журнале «Театр» (№ 12) в разделе «Находки, подробности» появилась публикация «Из жизни крепостного театра» за ее подписью. Исследование о Выксунском крепостном театре – последняя крупная работа Нины Дмитриевны.

Всю свою большую жизнь Н. Д. Комовская отдала любимому литературному труду. Им она занималась и в 30-е годы, и в военное время, и после войны – до самых последних дней. Напомню: это литературоведческие статьи для энциклопедий, очерки в коллективных сборниках и в книгах о Сормове, это изыскания о театре, это фольклор – и более всего фольклор. Произведения народного искусства были Ниной Дмитриевной особенно любимы. Их она собирала, изучала, редактировала, издала для широкого читателя, прежде всего для нижегородцев, для нас, выксунцев.

Фольклор – любовь ее души, дело всей жизни.

Это и душа книг Нины Дмитриевны, в том числе ее исследования о Выксунском крепостном театре (о нем необходим отдельный разговор).

Когда-то, в самом начале моей работы над темой «Литературная Выкса тридцатых годов», я обратилась за советом к Николаю Петровичу Ключареву. Он рекомендовал мне рассказать о приезжавших в наш город в те годы московских и горьковских писателях и непременно – подчеркнул он – о Нине Дмитриевне Комовской. Николай Петрович был с ней знаком, знал о ее работе и планах. Он назвал ее «крупной фольклористкой», «интересным человеком»¹⁰.

Я разделяю его точку зрения. Считаю, что Н. Д. Комовская – незаурядный фольклорист своего времени, неутолимая собирательница нижегородских народных произ-

¹⁰ Письмо Н. П. Ключарева из Саратова от 20.01.1984 г.

ведений, их исследователь. Думаю, читатели согласны с такой оценкой.

А вот мнение компетентного специалиста 70–80-х годов. В. Н. Морохин, профессор Нижегородского университета, изучавший устное народное творчество нашей области, в своих работах не раз вспоминает Нину Дмитриевну Комовскую:

1. «В 30–40-х годах предания и легенды нижегородской земли записывала Н. Д. Комовская»¹¹.

2. «Нижегородский фольклор предвоенных лет собирается, изучается и публикуется рядом известных исследователей: В. Н. Чернышевым, В. Л. Комаровичем, Ю. А. Самариним, В. Н. Боровиком, С. Н. Мирером, Э. В. Померанцевой и С. И. Минц, Н. Д. Комовской»¹².

3. «После Великой Отечественной войны интенсивную фольклористическую деятельность в Горьковской области продолжают вести Н. Д. Комовская, Н. М. Галочкин, Н. А. Усов»¹³.

В сносках к сборнику «Заря-заряница» (1988 г.) перечислены все три книги Нины Дмитриевны по нижегородскому фольклору (о них читатели уже знают).

В. Н. Морохин, как мы видим, высоко оценивает многолетнюю напряженную работу Н. Д. Комовской по сборанию, изучению, публикации фольклора нашей области, более того — называет ее «известным исследователем», относит к числу лучших. Такова оценка крупного исследователя народного творчества области Владимира Николаевича Морохина.

Но пришлось мне выслушать и другую точку зрения, человека нового поколения. Как-то в поисках следов окского атамана Рощина приехал в Выксу молодой ученый из Нижегородского университета. Во время нашей беседы, бегло взглянув на собранный мной материал выступлений, статей, книг Н. Д. Комовской, он сказал категорически: «Она вовсе не фольклористка, просто самоучка. — И добавил: — В ее записях отчетливо проступает сталинское время, его

¹¹ Нижегородские предания и легенды. — Горький, 1971. — С. 8.

¹² Заря-заряница. — Горький, 1988. — С. 5.

¹³ Там же. — С. 5.

идеология». Я поняла тогда, что этот ученый муж о Нине Дмитриевне знает только понаслышке. Ни характера, ни объема, ни значения сделанного ею в фольклористике тех далеких трудных лет, когда еще не все отстоялось, он не представляет. Что касается идеологии – согласна, да: каждое время ставит на все свою печать. И наше время тоже не исключение. Но в фольклорных записях Н. Д. Комовской сильного влияния сталинизма я не ощутила. Там, по моему, преобладает точка зрения народная, человеческая.

Серьезного разговора с нижегородцем не получилось: молодой человек спешил... Но было обидно за Нину Дмитриевну.

И все-таки простим молодость. Она самонадеянна, дерзка, скоро на выводы, особенно о прошлом. Мы ждем от молодых разумного, справедливого отношения к тому, что было раньше, к тем, кто честно, достойно жил. Мы хотим, чтобы молодые помнили, что доброго сделали эти люди до нас и для нас, и уважали их.

А Нина Дмитриевна Комовская, без сомнения, заслужила наше уважение и память.

Дорогие читатели, вы уже немало узнали о героине моей статьи, имеете свое мнение о ней. Игорь Дмитриевич Васысь знал Нину Дмитриевну лучше, и ему слово.

Обращаемся к его письмам, полным понимания и глубокого уважения:

«Спасибо за внимание к творчеству Н. Д. Комовской. Мне приятно, что ее скромные изыскания пригодятся краеведческому музею Выксы... Уверен, что это было бы ей приятно...» (Москва, 27 октября 1988 г.)

«Должен дать высокую оценку ее (Н. Д.) патриотизму и чувству долга. До последнего года жизни (90 лет) переводила деньги в фонд ленинского субботника, считая это своим гражданским долгом. Пенсию она получала персональную, но маленькую – 90 руб...» (18 декабря 1988 г.)

«К быту относилась как к чему-то безвыходному. «Быт не должен отвлекать от жизни за окнами» – Поспала – и опять в библиотеку.

Дома имела лишь необходимое, резким контрастом стоял рояль, на котором играла в былые времена. Сейчас рояль стоит в красном уголке ЖСК «Писатель», куда я подарил его после смерти Н.Д. согласно ее желанию». Еще имела Нина Дмитриевна хорошую библиотеку специальных книг по фольклору и оставляла памятные свои экземпляры.

К себе относилась сурово, требовательно, и в то же время, по словам Игоря Дмитриевича, «человеком она была добрым, вечно кого-то опекала – больных духом, инвалидов» (Москва, 13 декабря 1988 г.)

Считая сообщенные мне сведения о Нине Дмитриевне «скудными», Игорь Дмитриевич пишет, что она «была довольно скрытным человеком по отношению к своей особе». Попытки племянника в последние годы ее жизни «узнать подробности о родителях и происхождении» у Нины Дмитриевны «находили лишь раздражение». Эта странность объяснима: репрессирован был отец Н. Д. Комовской, дед самого И. Д. Васыся, и, может быть, это, включает Игорь Дмитриевич, «наложило такой отпечаток».

Видимо, большие жизненные трудности выпали на долю Н. Д. Комовской, путь ее был непростым, нелегким, но она никому, даже близким, на свою судьбу не жаловалась. Она беспартийная, из семьи репрессированных. В те годы это имело немалое значение. Знаток и собиратель устного народного творчества Нижегородчины, литературными властями она обласкана не была. В государственных архивах, как это ни странно, о ней, известном исследователе народного творчества, нет сведений. В сообщении из Союза писателей коротко сказано об увлечении Н. Д. Комовской фольклором в 30-е годы и участии в фольклорных экспедициях. И ни слова о ее работе собирателя и исследователя народного искусства, ни слова о книгах Нины Дмитриевны по нижегородскому фольклору. Книги эти не переизданы и являются теперь библиографической редкостью. Многие читатели, слыша фамилию «Комовская», недоумевают: Кто это? Надеюсь, в моей статье они найдут ответ на этот вопрос.

Николай Петрович Ключарев в письме ко мне сказал о Нине Дмитриевне: «Интересный человек», а я добавляю: замечательный, удивительный, редкий. На мой взгляд, Нина Дмитриевна Комовская — человек высокой духовности, обширных знаний (литература, фольклор, театр, история), исключительного трудолюбия (вечная труженица), сильного характера, целеустремленный, бесконечно преданный своему делу, бескорыстный, добрый — словом, светлый, прекрасный человек. Она женщина сложной судьбы: сама себя вырастила и подняла, нашла единственное на всю жизнь любимое дело; преодолевая жизненные трудности, встала над ними, счастливую и нелегкую жизнь свою прожила достойно, для людей. И это — не преувеличение!

Ниже я привожу несколько преданий из книги «Предания и сказки Горьковской области»¹⁴, собранных ею в Вуксунском районе.

БАРСКАЯ ВОЛЯ

Вот как у нас при барине женились: приходит большой мужчина, ему маленькую женщину подбирают, а маленькому мужчине — большую женщину. Все нороят наоборот, чтобы побольше было, — поиздеваться хотят. Вот наберет барин девушек человек десять, оденет их одинаково, положит ничком в комнате на полу, приводит жениха и говорит:

— Выбери любую.

А уж где выбирать — либо кривая, либо рябая. Идет жених, смотрит на девок и говорит:

— Вот эту беру.

Укажет на девку, она встает.

— Вот тебе муж, — говорит барин.

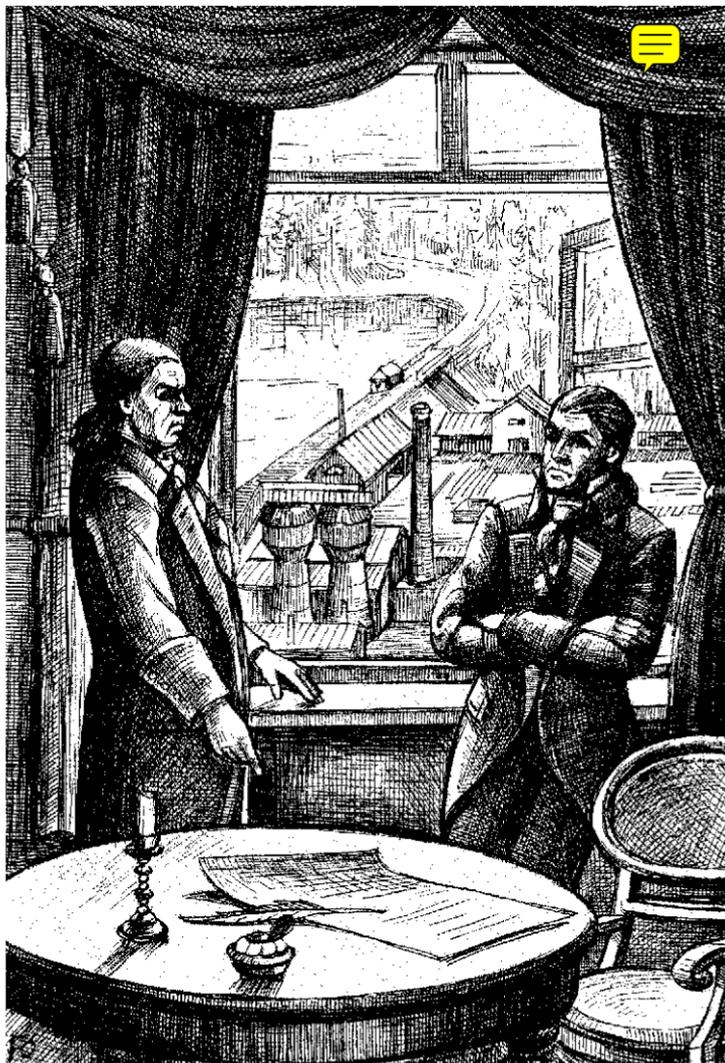
А потом и свадьбу играют.

Потом отменил это дело барин, второй порядок ввел: покрасивее кто — тому дурную жену, а красавице такого

¹⁴ Комовская, Н. Д. Предания и сказки Горьковской области. — Горький, 1951.

мужа, что и глядеть не хочется. Вот женился у нас так-то Титов: сам богатырь, а жена маленькая. А то другого знаю: сам маленький, а жена громадная.

Всего не перескажешь, что было! Сейчас-то нам смех как вспоминать, а старики наши все это переживали! Волосы дыбом становятся, как вспомнишь!

БАТАШОВ

Баташов скушливый был, нетерпеливый. Едет лесом верст семь, восемь ли — лошадей загоняет. Рабочие у него все бесплатные были, паек получали, да такой паек — никто его есть не хотел. Муку выдавали такую слежалую, что кувалдами да гирями разбивали.

Еще дед рассказывал, что здесь, в Выксе, сам Баташов и деньги делал, фальшивые, под секретом. Кто деньги чеканил, того и на свет не показывали, он в подвале умирал под домом. А все-таки люди знали. А уж начеканит, — так, бывало, возят, возят на подводах, как пшено или как овес. А мы только медяки видали.

БАРИН-ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК

Баташов делал деньги фальшивые и делал их в подземелье под самым домом. Екатерина об этом узнала, послала людей выяснить дело.

Пришли к Баташову царевы посланники, а он загнал всех рабочих по этому делу в подземный ход и замуровал их там.

Они и задохнулись.

Примечание:

Записано в 1937 году от Марии Васильевны Шаровой, 75 лет, жительницы г. Выксы. Жизнь Баташовых она знала очень хорошо, со слов ее родных, тоже работавших в свое время «при барине».

БАТАШОВСКИЕ ПРИЧУДЫ

Баташов жил хорошо. Много себе всего понастроил, всяких причуд. Дом у него большой был, в сад выходил. В саду, где большая аллея кончается, там, где овраг, был каменный мост; на полянке налево беседка была розовая: там певички пели, танцовщицы танцевали. В большом доме винтовая лестница была, там всегда у входа рунт сидел.

А в коридоре рядом дверь была. Как стену эту ломали — в стене замурованный скелет нашли: человек высокий, руки крупные, а на руках цепи были.

ДУНЯ-ВОДОНОСКА

Вот какой случай был, мне рассказывали.

Работали наши заводы при Шепелеве. А рабочих плохо кормили, даже стали подбавлять в хлеб мякины. Забастовали тогда рабочие и стали просить барина с Выксы. Приезжает барин, выходят они со своими инструментами, кто с чем работает, — кто с кувалдой, кто с клещами, — стали в проходной.

А директору передали: — Рабочие бастуют.

Барин видит — рабочие в проходной стоят, инструменты у них. Подходит к ним поближе. Одного ударил, другого, третьего. Подходит к Дуне-водоноске, здоровая баба была. Только размахнулся, а она хватъ его коромыслом и кричит мужикам: — Чего стоите?

Барин бросился бежать, прямо в церковь к попу.

А попом был Кирилл. Вышел он с крестом:

— Примиритесь, что, дескать, выдумали?

А потом безо всякого суда барин выделил двести семей и сослал их в Сибирь, как бунтарей.

Примечание:

Записано в 1937 году от Василия Григорьевича Агапова, 38 лет, в колхозе им. 8 Марта (с. Сноведь) Выксунского района. В основе предания лежит действительный факт: рабочие заводов голодали и после случая с подгнившей мукой подняли бунт, подавленный местными властями.

КАК БАТАШОВ У СОСЕДА ЗЕМЛЮ ОТТЯГАЛ

Про Баташова расскажу, как он от одного барина землю оттягал. Барин был бедный. А Баташов задумал землю у него взять, уж больно она ему понравилась. Как сделать? Он велел крестьянам говорить:

— Спросят вас, чьи вы, отвечайте — Баташова.

А крестьяне ему говорят:

— Как же мы можем говорить — Баташова, ведь мы, чай, солжем.

— А вы моей земли в лапти насыпьте. Вас спросят, на чьей земле стоите, скажите — на баташовской.

Так и сделали.

Приезжает барин и губернатор с ним. Стали спрашивать мужиков:

— На чьей земле стоите?

А крестьянам что делать? Их домишки Баташов еще ночью велел к себе на землю свезти. Деваться некуда крестьянам. Отвечают:

— На баташовской.

Как сказали, что баташовские, барин-сосед так и ахнул!

А сделать ничего нельзя.

Так и отошла соседова земля к Баташову.

ХИТРЫЙ БАРИН

У барина Баташова дом был поставлен на меже между Рязанской и Тамбовской губерниями. Одна половина была на Рязанскую губернию, другая на Тамбовскую.

Вот напроказил барин, к нему из губернии скачут, из Рязанской. Он посылает слуг спрашивать, откуда приехали.

Им отвечают: — Из Рязанской губернии.

Он сейчас переходит на другую половину дома, что в Тамбовской губернии стоит.

— Где барин?

— В Тамбовской губернии.

А прискачут к нему из Тамбовской губернии, он переходит опять на другую половину, что на Рязанской губернии стоит.

— Где барин?

— В Рязанской губернии.

Вот так все и выделывал, так и спасался.

БАТАШОВСКИЕ ЗАБАВЫ

Первая паровая машина была выпущена на Сноведском заводе. На пароходе с новой машиной поехал сам Баташов в Нижний, на ярмарку. Он поставил четыре пушки, а когда въезжал в город, то дал из этих пушек салют.

Ярмарка остановилась, торговля прекратилась. Губернатор сначала велел арестовать «бунтовщика». А после, как узнал, что это Баташов был, велел освободить его. Даже извинялся: — Не знал, мол, что это вы были!

РОЖНОВ БОР

Здесь лес шел до Оки, вплоть до Выскы. Как-то царев чиновник ехал с казной. Ее и отняли какие-то люди в лесу. Царица приказала узнать, чей лес. Помещики испугались:

— Скажешь — лес мой, спросят, почему разбойников допустил.

И отказались от этого леса.

Взяли его в казну и назвали Рожновым бором.

Примечание:

Записано в 1937 году от Ивана Егоровича Белоусова и Ивана Егоровича Панферова. Предание раскрывает причины взятия в казну Рожнова бора. В нем, как говорят, скрывался Кузьма Рошин, местный народный герой. Целый ряд деревень юго-западной части Выксунского района хранит память о Кузьме Рошине. Характерно, что, рассказывая о жизни и деятельности Рошина, а также о его смерти, ни один из современных сказочников не указывал, к какому времени можно приурочить описываемые им события. Все же, по некоторым данным, время действия в рассказах этих можно отнести к эпохе Екатерины II.

ШЕПЕЛЕВСКИЕ ЛЕСА

Мне девятнадцать лет минуло, как крепостное право рушилось. Не все вспоминаю, а все-таки на моей памяти много было. А дед много рассказывал. Уж он крепостного права хватил!

Здесь кругом леса шепелевские были. Стеной стояли. При Шепелеве мы и жили, уголь на завод возили. Мы еще крепостными были, шепелевские мы. Я уже с двенадцати лет стал лошадей гонять. Тяжело жили. Били нас плетьюми за ослушание, а то и в солдаты отдавали на 25 лет.

Ведь как жили! Бывало, бросаешь все свое, начинаешь барину уголь возить. «А то, — кричит, — завод станет». Уголь в курнях гнали. Шепелев нас мало жалел, все больше на других менял.

Ведь как раньше было? Только и знали во всю нашу жизнь: на барина служить, уголь гнать да уголь возить. Лесопромышленники были злые, в конторах сидели, из людей пот выжимали.

Всю жизнь пересказать — да разве ты поверишь? От такой жизни люди топились, на деревьях вешались. Всего, матушка, всего было! Вспомнишь — страшно становится, и сам не знаю, как выжил!

Примечание:

Записано в 1937 году от Ивана Ивановича Бурмистрова, 96 лет, в колхозе им. Карла Маркса (Старая Деревня) Выксунского района. Упоминаемые им владельцы заводов — уже Шепелевы, наследники Баташова.

О РОЩИНЕ

Вот одна старушка по лесу бежала. На коровку пошла в деревню занять три рубля. Не хватало у ней на покупку, а скотина была тогда дешева. Сколь-то она набрала, а трех рублей нету. Бежит она в деревню, а уже темнеет, она боится, скоро бежит. Видит — навстречу идет ей мужик здоровый, высокий, красивый.

Говорит он ей:

— Бабушка, куда бежишь, куда торопишься?

— *Рощина боюсь — чай, сумерки.*
— *А чего боишься — у тебя денег много?*
— *Где много — заняла в деревне у родных три рублика.*
— *А зачем три рублика?*
— *Да на коровку не хватает.*
— *А сколько корова стоит?*
— *Да рублей восемь аль десять.*
Он вынимает ей деньги, дает десять рублей.
— *Вот тебе, бабушка, на корову. Рощин я самый и есть. Да ты не бойся меня, я купцов граблю, бедных людей не трогаю.*
Старушка схватила десять рублей, зажала в кулак да бежать!

Примечание:

Записано в 1937 году от Марии Васильевны Шаровой.

О РОЩИНЕ

На Дедовом болоте все клады были.
Пришел раз к деду моему один человек и говорит:
— *Ты знаешь такое место?*
И приметы ему говорит.
— *Знаю.*
— *Так я пройду мимо завтра поутру, а ты ко мне выходи.*
Дед тогда еще молодой был, в ребятах ходил, согласился он вместе идти. Приходит этот человек утром, пошли они вместе к речке, к березам. Отмерили там столько-то аршин, начали копать — котел и вырыли.
Дал ему этот человек пригоршню золота, а сам пошел. Мой дед парень был молодой, он тому золоту был рад. В горсти-то много золотых было. Он с этого золота избу себе поставил, сразу на ноги стал.
Вот Рощина и вспомнешь добрым словом.

Примечание:

Записано в 1937 году от Ивана Григорьевича Карпова в колхозе «Путь Ленина» (д. Верхняя Верея) Выксунского района. Карпов ассоциирует находку деда с именем Рощина, хотя вопрос о существовании каких-либо кладов внушает ему сомнение. Его преданием заканчивается раздел преданий о Рощине.

Я рассказала вам, дорогие читатели, о знатоке и собирателе нижегородского фольклора Нине Дмитриевне Комовской. Теперь познакомлю с еще одной, очень серьезной и интересной стороной ее творчества – с изысканиями в области театра Баташева – Шепелевых.

Нина Дмитриевна по праву может быть названа первооткрывателем темы истории Выксунского крепостного театра. До нее в печати была единственная, давняя публикация такого рода: «Театр в Выксе» – заметка в журнале «Нива» за 1895 год (№ 42, С. 1010). А между тем, по свидетельству современников, крепостной театр Баташева – Шепелевых «являл собой зрелище изрядное, весьма занятное и поучительное». Он был одним из лучших домашних провинциальных театров России своего времени. Знатоки находили даже, что по своему благоустройству, технической оснащенности сцены, по профессиональной подготовленности крепостных актеров, по разнообразию репертуара Выксунский театр мог соперничать со столичными. Но история театра никем не была изучена. Это манило исследователя, обещало ему много интересного. И Нина Дмитриевна Комовская принялась за новую работу. «Из истории крепостного театра» – так назвала она свое исследование. В основе его – богатейший фактический

материал, собранный главным образом на нашей, выксунской земле. Это многочисленные предания: и старые, и записанные в 30-е годы фольклорными экспедициями; записки местных старожил, порой очень обширные, и рассказы краеведов-любителей; сведения из Государственного архива и, что всего важнее, документы из архивов Баташевых и Шепелевых. Большим подспорьем в работе были воспоминания о выксунских заводчиках некоторых их современников: Н. Я. Афанасьева, А. П. Глушковского, Е. М. Феоктистова, П. Стрепетовой (об этих авторах мемуаров см.: «Приокская глубинка», 2008 г., № 1). Привлекались и публикации исследователей творчества драматурга А. Сухово-Кобылина, родственника Шепелевых и близкого к театру человека.

Так с миру по нитке собран был обширный и ценный материал. Это потребовало немало сил и времени. Когда была начата работа, мы, к сожалению, не знаем. Известно только время первой публикации законченной статьи — 1960 г., г. Горький. Исследование Н. Д. Комовской о крепостном театре Выксы, несомненно, ее большая удача. Удача приходит всегда к тем, кто увлечен своим делом и сил на него не жалеет.

В работе Нины Дмитриевны поражает отличное знание исторического материала той далекой эпохи, свободное владение фактами выксунской жизни: история завода, судьбы и взаимоотношения здешних заводчиков и т. д. Но основное внимание уделено крепостному театру. Его Н. Д. Комовская назвала «самой диковинной и дорогой затеей» Баташева, самым большим увлечением его наследников Шепелевых. По воспоминаниям современников она дает подробное описание театра: роскошное внутреннее убранство, удобное разумное устройство сцены, технические новинки, которых в других театрах не было. История выксунского театра прослежена поэтапно: кратко — о зарождении и становлении его в 20 годы, во времена И. Р. Баташева; подробнее — о театре эпохи Шепелевых, о его развитии и расцвете в 30–40-е годы. Интересны

рассказы о хозяевах театра, их заботливом, рачительном отношении к своему любимому детищу; о талантливых крепостных актерах и их судьбах; о репертуаре театра и многом другом.

Статья Н. Д. Комовской о Выксунском крепостном театре читается с интересом, легко. Думаю, она вам понравится, особенно любителям театра. Порадует читателей и классическая манера изложения материала: никаких красотостей-украшательств, ничего лишнего, строгая логика, доказательность (ссылки, где это возможно, на документы и свидетельства современников), богатая, свободно льющаяся речь автора.

Н. Д. Комовская призналась, что в ее исследовании есть пробелы: сведений еще недостаточно. Статья, о которой мы говорим, появилась в 1960 году (сборник «Люди русского искусства», г. Горький). Работа над темой продолжалась. В 1978 году в журнале «Театр» (№ 2, С. 121–123) в разделе «Находки, подробности» за подписью Комовской был напечатан материал «Из жизни крепостного театра» (выксунского), в котором есть новые сведения. Но Нина Дмитриевна вновь указывала на «белые пятна» в истории театра Баташева – Шепелевых: как именно возник он, кто были первые артисты, первые пьесы на театральной сцене, имели ли молодые Шепелевы познания в обучении артистов и т. д. Работу над темой она считает незавершенной: «Надо надеяться, что дальнейшие исследования прольют свет на эти доселе неизвестные нам страницы».

Так заканчивает Нина Дмитриевна свою вторую, небольшую статью.

К сожалению, и сегодня работа над темой нашего театра не закончена, точка не поставлена. Надежда на краеведов-энтузиастов, на их молодые старания, на новые поиски и открытия. Да, согласна, дело это нелегкое. Но важное! Думаю, что Выксунский домашний театр в богатой помещичьей усадьбе конца XVIII – первой половины XIX веков не просто часть быта Баташевых – Шепелевых, но и страницы культурной жизни русской провинции тех

лет. Он не только давал развлечения местной публике, любителям-театралам, знания и развитие крепостным артистам, но, несомненно, поднимал общую культуру местного населения, даже всей округи.

Не оттуда ли истоки «Синей блузы», кружков самодеятельности и театральных Выксы 20–50-х годов прошлого века, которыми так увлекалась молодежь? Не там ли корни любви сегодняшних выксунцев к поэзии, к своему народному театру?

Нина Дмитриевна
КОМОВСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ КРЕПОСТНОГО ТЕАТРА В ВЫКСЕ

Чтобы представить себе хотя бы вкратце сложную историю Выксунского крепостного театра, надо обратиться к довольно раннему времени – ко второй половине XVIII века, когда в Выксе стали возникать железоделательные заводы.

Первыми владельцами их были братья Иван и Родион Баташевы, внуки Ивана Тимофеевича Баташева – «тульский оружейный слободы кузнеца», обладателя железных заводов на землях в окрестностях Тулы.

Сыновья Родиона – Иван и Андрей – занялись расширением его дела уже в Выксе. В 1757 году, в царствование Елизаветы Петровны, они подают на ее имя следующую грамоту: «Бьют челом туляне и железных заводов содержатели Андрей да Иван Родионовы, дети Баташева, а в чем наше отношение – тому следуют пункты...»

В челобитной речь шла об утверждении договора, заключенного братьями Баташевыми с князем Долгоруким

на покупку у него удобных для железоделательных заводов выксунских земель.

Челобитная была удовлетворена, и с этого времени начинается владычество Баташевых на Выксе.

Выкса знала главным образом Ивана Баташева, младшего из двух братьев. С 1783 года, после раздела заводов между ними, Иван Родионович стал единоличным владельцем Выксунских заводов. Андрей Родионович имел заводы в Гусе Железном, входившем в то время, как и Выкса, в состав Ардатовского уезда.

Жестокий и дикий нрав Андрея Баташева создал ему худую славу. Еще и поныне народ рассказывает страшные легенды о сотнях замученных по воле заводчика крепостных, расправах над мелкими помещиками, почему-либо ему неугодными, и даже над чиновниками, осмелившимися применять к нему те или иные статьи закона.

В легендах говорится о найденных в подземельях скелетах людей, замурованных в стенах, о цепях, станках и прочих орудиях пыток, сохранившихся в тех же подземельях, — мрачных свидетелях прошлого.

Характерно, что в своих легендах и преданиях народ объединяет братьев в один образ как представителей враждебного им класса, хотя младший брат, Иван, как говорят, не походил характером на Андрея. Бытописатели того времени, например П. Свиньин¹, даже пытались представить Ивана Баташева отцом своих подданных. Но этот «отец» скупал крестьян на своз, менял их на собак, безжалостно эксплуатировал на заводах у печей или в лесах в качестве угольщиков и рудокопов. А жалкие хибарки, в которых ютились крепостные, разительным образом отличались от барского дома, обставленного со всей роскошью, доступной для того времени.

Эту роскошь не омрачали дым и копоть, идущие от дымны, стоящей напротив дворца Баташевых, и не смолкавший день и ночь грохот тележек, возивших руду. Богатая

¹ *Свиньин, П.* Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву. — СПб., 1826.

день ото дня, Иван Родионович Баташев сумел устроить в Выксе комфортабельное жилище. Он разбил за домом сад со статуями, фонтанами, причудливыми мостиками, беседками, павильонами. На прудах за домом плавали утки и лебеди, в саду высился так называемый «павлиний дом» с диковинными в ту пору птицами. Были зверинец, оранжерея с тепличными растениями и редкими фруктами (существовало даже предание, что фрукты из этой оранжереи доставлялись специальными курьерами в Петербург ко двору «государя»).

Но самой диковинной и дорогой затеей Баташева являлся домашний театр.

Построенный в конце большой, идущей от дома аллеи, он был деревянным, но вполне вместительным и богатым по обилию декораций, бутафории, костюмов. Строя его, Баташев отдавал дань своему времени, когда многие богатые помещики заводили театр «для себя», предназначая его для семьи, родных и знакомых. Как можно предполагать, на подмостках такого театра выступали в основном крепостные крестьяне, обладавшие талантом в области вокального, сценического или хореографического искусства. Нередко в представлении принимали участие и сыновья Баташева, являя разительный контраст по своему положению и правам с крепостными, выступавшими бок о бок с ними на сцене.

Еще больший в этом отношении контраст наблюдался при выступлении в Выксунском театре артистов столичной сцены или приезжавших в столицу различных знаменитостей. Если верить рассказам выксунских старожилов, Баташев не раз приглашал тех и других к себе для выступлений.

К сожалению, сведения о театре того времени, когда хозяином Выксы был Баташев, невелики. В основном это воспоминания жителей Выксы. В местных краеведческих материалах можно найти о Выксунском театре весьма скудные данные. И если в печати прошлого века проскальзывают какие-нибудь сведения об этом, то они относятся

большею частью к дальнейшему периоду существования театра — тридцатым и сороковым годам прошлого века.

Театр, как можно судить по данным позднейшей печати, был построен Иваном Родионовичем в начале XIX века и предназначался для постановок в основном драматических произведений. Но бывали и исключения.

Таким исключением служила, например, опера-водевиль в двух действиях «Встреча незваных» (сюжет 1812 г.). Полное название ее — «Крестьяне, или Встреча незваных».

Автором этого произведения является А. А. Шаховской, один из плодовитых драматургов первой половины XIX века.

Данная опера-водевиль любопытна тем, что действующие лица в ней — преимущественно крепостные крестьяне. По сюжету они выступают с оружием в руках против врага. Драматург разрешает этот сюжет в духе обычного для того времени дворянского патриотизма. Крестьяне показаны пейзажами со всей присущей этим образам слащавостью и надуманностью, хотя драматург и пытается отдать должную дань тому единому духу, с которым они отстаивают русскую землю от неприятеля. Он даже вкладывает в их уста следующие слова песни:

*Не бывало и не быть тому,
Чтоб врагу мы покорились.
Лучше лечь нам в мать-сыру землю,
Чем бесславить землю русскую.*

Все же характер этого произведения далек от подлинного показа патриотизма русского крестьянина.

Музыка «Встречи незваных» была аранжирована композитором С. Титовым. По ходу действия песенный текст в ней перемежается с прозаическим. Это позволило Баташеву включить оперу-водевиль в репертуар Выксунского театра, который хотя и был драматическим, но наверняка имел небольшой оркестр, как обычно в домашних театрах,

а среди крепостных, наверное, можно было найти вокалистов для выступлений в дивертисменте.

Судя по отзывам театроведов XIX века, опера-водевиль «Встреча незваных» пользовалась большим успехом². На императорской сцене она впервые была поставлена в ноябре 1814 года с участием широко известного в то время актера Самойлова. В Выксе она ставилась, вероятно, спустя несколько месяцев: в репертуар домашних театров включались большею частью пьесы, уже шедшие некоторое время на столичной сцене (с учетом, конечно, имеющихся на месте возможностей для их постановок). Вероятно, эта опера-водевиль пользовалась успехом и у выксунского зрителя. Как можно предполагать, в подавляющем большинстве случаев это были состоятельные соседи-помещики, наезжавшие в Выксу погостить у крупного заводовладельца. Желая быть заметным лицом, Баташев не скупился на расходы, и дом его был поставлен на широкую ногу. Круг знакомых у него был обширный, особенно к концу XVIII — началу XIX века, когда заводы его все более и более расширялись.

Приглашая кого-либо к себе, он всегда преследовал практические цели. Поэтому среди гостей Баташева можно было найти и тех, с кем он имел деловые связи. А так как эти связи были велики, то в Выксе всегда было многолюдно. Так же многолюдно было и в московском его доме-дворце на Вшивой горке³. Часть московских знакомых наезжала и в Выксу — посмотреть баташевский театр, возбуждавший всеобщее любопытство. В числе зрителей помимо «высшего» света встречались и мелкие помещики, допускаясь в дом Баташева, и весь мелкий люд, живший у него в качестве приживалов, бедных родственников и т. д.

² Она была особенно интересна для нижегородцев тем, что в ней упоминались имена Минина и Пожарского, чья слава связана с нижегородским ополчением XVII века.

³ Дом этот сохранился и поныне. В настоящее время в нем находится Яузская больница. Построен в 1799 году крепостным Баташнва М. Кисельниковым.

Что касается актерского состава, то о нем известно очень немного. И тут становятся весьма досадными имеющиеся и поныне пробелы в ранней истории Выксунского театра, из-за которых мы не знаем, кто были эти крепостные актеры, как они отбирались Баташевым, играл ли на сцене он сам, выступали ли на ней его родственники. «Встреча незваных» могла идти не ранее 1814 года. А что ставилось в Выксе до этого года и когда фактически театр начал существовать — эти вопросы остаются для нас неразрешенными.

Также не разрешен вопрос и о времени баташевского театра. Возможно, что до постройки специального помещения для театра крепостные Баташева принимали участие в живых картинах, домашних спектаклях, дивертисментах, устраиваемых на дому Баташева по примеру богатых помещиков. Впоследствии эти крепостные становятся уже настоящими актерами, выступающими на подмостках баташевского театра.

Судя по сохранившимся многочисленным преданиям, записанным от выксунских старожилов, Баташев любил окружать себя талантливыми людьми, любил поощрять их таланты, давая возможность учиться у специалистов, только не любил давать им вольную, отзывая обратно всякий раз, как только подходил к окончанию срок их обучения. По преданиям же, он выезжал со своими актерами в Петербург, чтобы там похвастаться ими перед столичными зрителями.

Конечно, скудные сведения, какими мы располагаем, позволяют лишь намечать обстановку, в какой развивался и рос Выксунский театр в раннюю пору своего существования. Более полные сведения о нем относятся уже к 20-м годам XIX века, когда после смерти старика Баташева история Выксунского театра связывается с именем Д. Шепелева: оба сына Баташева рано умерли, а дочь одного из них — свою любимую внучку Дарьюшку — Баташев выдал замуж за генерал-лейтенанта Дмитрия Дмитриевича Шепелева, участника войны 1812 года. К нему впоследствии

перешли все Выкунские заводы, а с ними и Выксунский театр.

Кутила и мот, пустивший по ветру богатейшее наследство, доставшееся ему в результате женитьбы, Д. Д. Шепелев, как говорили люди, близко знавшие его, хотел удачной женитьбой поправить свои дела. В этом он преуспел всецело; когда старик Баташев умер, он оставил в наследство детям своей внучки Дарьи около 13 000 душ крестьян, полутора миллионов денег, 150 000 десятин земли, все заводы в Выксе и ее окрестностях и, конечно, театр. Д. Д. Шепелев был назначен опекуном и стал управлять заводами с 1821 года.

В своих «Воспоминаниях о детстве и юности» (1820—1840 гг.) писательница Евгения Тур дает уничтожающую характеристику Д. Д. Шепелеву, родственнику се по матери (М. И. Сухово-Кобылиной). Евгения Тур пишет о необузданном характере Шепелева, проявлявшемся в грубом обращении с родными и посторонними, его вспыльчивости, переходящей нередко в бешеные выходки, неразборчивости в приобретении знакомств, стремлении окружать себя подозрительными личностями, мастерами по выкачиванию денег и т. д. Дом в Выксе по воле его владельцев превратился в «нечто вроде постоянного двора, где располагался каждый, сумевший угодить хозяину». Описывая все это, она ни одним словом не обмолвилась о театре, игравшем, несомненно, большую роль в жизни Выксы, назвав лишь дом Шепелева «собранием курьезов, чудаков, сумасшедших и пьяных»⁴.

Между тем для Д. Д. Шепелева, любившего «пожить с эффектом», театр играл не последнюю роль. Воспитанный на идеях французских энциклопедистов, Шепелев обладал, как говорили, даже некоторым вольномыслием и питал страсть к театру. Впрочем, эта страсть выражалась им очень своеобразно.

Подобно многим светским людям своего времени, он часто и до женитьбы посещал спектакли, причем одаривал

⁴ Государственный литературный архив, Фонды № 438 Сухово-Кобылиных, «Воспоминания о детстве и юности» Евгении Тур.

Дмитрий Дмитриевич
Шепелев

артисток, чтобы заслужить их благоволение, настолько крупными суммами, что это обращало на себя внимание даже людей его круга. Теперь же, получив в свое распоряжение вместе с наследством и театр, он включает его в число своих развлечений, не скупясь затрачивает на него большие деньги.

При Д. Д. Шепелеве Выксунский театр продолжал быть все тем же «театром для себя», т. е. не рассчитанным на широ-

кие народные массы, с ярко выраженными особенностями театра этого типа: узостью круга зрителей, ограниченностью распространения билетов и т. д. Широкий размах, с каким делались для крепостных актеров костюмы и декорации, затрачивались крупные суммы на оборудование сцены и

обучение актеров, выписывались дорогостоящие инструменты, резко контрастировал с условиями, в которых жили, работали и учились крепостные актеры. Эти условия были не лучше тех, в каких пребывали угольщики, рудокопы и другие рабочие заводов Шепелева. От вымогательства управляющих и бурмистров, от жестокости рунтов-надсмотрщиков страдали одинаково все крепостные.

Главным увлечением Д. Д. Шепелева, как мы уже говорили, был театр. На представления допускались те, кто были вхожи в его дом. А так как в Выксу

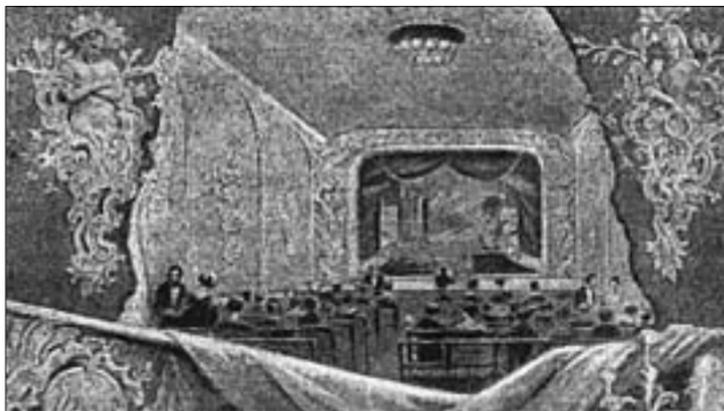

Внешний вид театра
при Шепелевых

приезжали не только родственники Шепелева со своими семьями, гувернантками, учителями, няньками, но и родственники этих родственников и знакомые их, а также знакомые их знакомых и все они ехали опять-таки со своими чадами и домочадцами, то можно себе представить, какое разношерстное общество заполняло зрительный зал в Выксе во время представления. К нему присоединялись обычные посетители Выксы – приятели Шепелева по выпивке, карточной игре, различного рода похождениям, а также его бывшие однополчане.

С годами расточительность Шепелева увеличивалась. Она касалась в большой мере и театра. Шепелев уже не довольствуется приглашением в Выксу столичных актеров для участия в спектаклях или обучением крепостных театральному искусству. Он задумывает изменить характер постановок, от драмы перейти к опере. Поэтому им ломается старое здание театра, построенное еще стариком Баташевым, и строится новое – по образцу московского Малого театра.

Эту затею, требовавшую больших средств, Шепелев осуществляет уже после смерти своего тестя, последовавшей в 1821 году (жена Шепелева – внучка Баташева – умерла еще ранее, в 1818 году). Если при жизни Баташева Шепелев еще

Зал Выксунского театра

несколько сдерживал себя, то теперь, оставшись единовластным распорядителем огромных богатств — как опекун четырех малолетних детей, — он дает полную волю своим наклонностям, своему легкомыслию, стяжавшему ему славу человека, у которого «рубль шел за копейку».

Шепелева не смущает, что дела заводов постепенно начинают приходиться в упадок, что рабочие все более открыто высказывают свое возмущение условиями, в каких им приходится жить и работать. Без удержу он отдается разгулу. А среди его развлечений особое место занимает все тот же театр, остающийся по своему характеру театром «для себя».

И вот на том месте, где стояло здание театра, построенное стариком Баташевым, генерал Шепелев воздвигает в 30-х годах каменное здание оперного театра, куда более вместительное и роскошное. Для постановки опер требуется больших размеров сцена, больше места для оркестра, для артистических уборных. Количество мест в зрительном зале тоже, конечно, увеличивается. Все это осуществляется, несмотря на огромные затраты.

Какие же оперы ставились в Выксунском театре при Д. Д. Шепелеве? Как можно предположить, это были «Роберт-Дьявол» — опера Мейербера в 5 действиях (либретто Скриба и Делавиль); «Пират» — опера Беллини в 2 действиях (либретто в переводе Д. Ленского); «Морской разбойник Цампа, или Мраморная невеста» — опера в 3 действиях Герольда; «Волшебный стрелок» — опера Вебера (слова Р. Зогава); «Фра-Дьяволо, или Остерия в Террачине» — комическая опера в 3 действиях Обера (текст Скриба); «Дон Жуан» — опера в 2 действиях Моцарта (в переводе И. Калашникова) и т. д.⁵ Но в какие годы шла та или иная опера, трудно сказать — об этом не сохранилось никаких данных. Можно лишь предположить, что они ставились в Выксе вскоре после их появления на столичной сцене: не жалея затрат, Шепелев делал все, чтобы его театр не отста-

⁵ Часть опер — «Морской разбойник Цампа», «Волшебный стрелок», «Фра-Дьяволо» — встречались в репертуаре других крепостных театров. См. в книге Т. Дынник «Крепостной театр» (Academia, 1933) таблицу «Репертуар крепостных театров по композиторам».

вал от столичного. Эти же оперы шли, вероятно, и при старшем сыне его, Иване Дмитриевиче, к которому театр вместе с заводами перешел после смерти отца в тех же 30-х годах.

О жизни Выксы при И. Д. Шепелеве сохранилось гораздо больше данных и в печати, и в воспоминаниях современников. Например, Н. Я. Афанасьев, приглашенный И. Шепелевым в театр в качестве капельмей-

Иван Дмитриевич
Шепелев

стера, рассказывает о том, какое общество собиралось у И. Шепелева во время завтрака: «Оно состояло из чиновников горного ведомства, нескольких молодых горных офицеров и лесных чиновников — в районе имений Шепелева находился большой участок казенного леса, — машинистов по заводской части, техников всякого рода и национальностей... с их семьями. Сверх того, всегда были приезжие из обеих столиц, собиравшиеся на Выксу или по приглашению хозяина, или по делам для заказов и приемов, правительственных и частных, чугунных изделий всякого рода»...⁶ Это общество, по всей вероятности, приглашалось в театр, присоединяясь к знакомым и родственникам Шепелева, его постоянным гостям и живущим в доме прихлебателям.

Что касается самого здания театра, его сценической и технической части, то общее мнение тех, кто в нем бывал, сводилось к единодушному восхищению. Оно вызывалось и зданием театра, и внутренней его отделкой, и техническими усовершенствованиями, не говоря уже о пышности постановок, искусной игре крепостных актеров, проходивших тяжелую выучку у тщеславного и жестокого владельца заводов. Многие даже полагали, что Выксунский театр мог во всех отношениях равняться с театром столичным.

⁶ Афанасьев, Н. Я. Воспоминания // Исторический вестник. — 1890. — т. XLI. — С. 43.

Такой отзыв мы встречаем у того же Н. Я. Афанасьева. Он писал, что «в наших провинциях еще не было оперных театров — кроме Одессы и Риги — и театр Шепелева по праву занимал единственное место во всей внутренней России»⁷.

Более сдержанно, но также с большим одобрением отзывается об этом театре другой современник И. Шепелева — А. П. Глушковский, один из первых московских балетмейстеров. В своей книге воспоминаний он отводит несколько страничек Выксе, в которой он жил два месяца в 1839 году по приглашению родственников Шепелевых, «чтобы составить из шепелевской балетной труппы два дивертисмента и дать им несколько танцевальных уроков»⁸, Однако «хор певчих, полный оркестр музыки... наличие балетной труппы из крепостных девушек» поражает и его. Вот как он пишет о внутреннем виде театра И. Д. Шепелева:

«Театр... был довольно большой и выстроен со вкусом; он помещал в себе до 300 человек публики, лож было три яруса: бенуар, бель-этаж, парадис и несколько рядов кресел; посреди бель-этажа и по бокам бенуаров были три ложи, драпированные бархатом с золотыми украшениями, которые были предназначены для фамилии Шепелевых и почетных гостей. Оркестр музыки, костюмы, декорации, освещение были очень хорошие»⁹.

Если добавить к этому, что театр освещался газом, чего не было даже в столице, о чем говорит тот же Глушковский, что сцена была снабжена люками, позволявшими проводить сложные оперные постановки, что хор и оркестр насчитывали по сорок-пятьдесят человек, то можно себе представить тот широкий размах, который Выксунский театр получил в конце 30-х годов XIX века. Это был период расцвета Выксунского театра, когда благодаря та-

⁷ Афанасьев, Н. Я. Воспоминания // Исторический вестник. — 1890. — июль-август. Некоторая восторженность его воспоминаний, в особенности по отношению к Ивану Шепелеву, заставляет нас подходить с осторожностью к описанию и характеристикам.

⁸ Глушковский, А. П. Воспоминания балетмейстера. — М.-Л.: Искусство, 1940. — С. 132–133

⁹ Глушковский, А. П. Воспоминания балетмейстера. — М.-Л.: Искусство, 1940. — С.132-133.

лантливый крепостным актерам, обучавшимся под руководством приглашенных со стороны специалистов, за ним по праву утвердилась репутация одного из сильнейших домашних театров того времени.

При И. Шепелеве он по-прежнему оставался театром закрытого типа, недоступным для широких народных масс; он обслуживал лишь барина-крепостника, его семью, родственников, гостей, приглашаемых на бесплатные билеты. Но он вырос значительно, этот театр, как по своему актерскому составу, так и по совершенству исполнения. Многие зависело здесь, конечно, от того, что Иван Шепелев, при переходе театра в его руки получил целый театральный коллектив, уже достаточно хорошо подготовленный. При театре был также опытный технический персонал, декорации, сцена, — словом, все, что необходимо для осуществления самых сложных постановок. На долю Шепелева пришлось лишь дальнейшее усовершенствование всех доставшихся ему богатств сценического и актерского искусства.

Приглашение столичных знаменитостей в Выксу для обучения крепостных актеров продолжалось и при Иване

Интерьер театра

Шепелеве, стало традицией. Конечно, это делалось все с той же целью – заставить окружающих говорить о себе как владельце незаурядного крепостного театра. Поэтому Иван Шепелев не скупился на затраты. Его крепостных балерин учит танцам, например, известная в ту пору в Петербурге балерина Сунгурова, «корифея С.-Петербургского театра», как ее тогда называли. Учитель танцев И. И. Иогель, славившийся устройством балов у московской аристократии, выступает в Выксе как балетмейстер. О приглашении в качестве балетмейстера А. П. Глушковского, а в качестве капельмейстера Н. Я. Афанасьева нами уже говорилось. Иван Шепелев, несомненно, использовал для усовершенствования технической части сцены имевшихся в его распоряжении талантливых мастеров в области механики. А их было немало. Например, крепостной Копьев, выдающийся механик, работающий еще при Д. Д. Шепелеве. Даже в воспоминаниях А. И. Дельвига, главного правительственного инспектора частных железных дорог, ездившего на заводы для деловых переговоров и отличавшегося своим практицизмом, Копьев характеризуется человеком, «с молодых лет показавшим большие способности к механике». Дельвиг добавляет, что «в Англии, куда Копьев был направлен для усовершенствования, оценили его способности и давали в его честь обеды, чем Копьев гордился и в старости»¹⁰.

Среди талантливых крепостных, принадлежавших И. Шепелеву, выделялся также художник Кораблев, человек не только одаренный, но и бесстрашный, не боявшийся говорить в лицо правду даже своему владельцу. По отзывам современников, он «писал декорации с большим вкусом».

Кораблев писал не только декорации, он был незаурядным художником. Часть созданных им картин и портретов

¹⁰ Дельвиг, А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания (1820–1870). – М.-Л.: Academia, 1930. – С. 442–443. «Воспоминания» интересны тем, что их писал человек, довольно либеральный для своего времени, «убежденный сторонник частного железнодорожного строительства», давший «колоритную картину периода капиталистического накопления» (см. стр. 11 предисловия). А. И. Дельвиг – двоюродный брат известного поэта А. А. Дельвига.

долго хранилась в выксунских архивах. По преданиям, Кораблев получил специальное образование за границей, считался одним из талантливых художников, но незадолго до окончания курса был отозван в Россию. Так обычно делали помещики, не желавшие, чтобы их крепостные получили вольную. Выксунский театр в пору владычества И. Шепелева славился также талантливыми крепостными актерами и актрисами. К сожалению, далеко не все имена их дошли до нас, но зато сохранились печальные рассказы выксунских старожилов о том, как многие актрисы из-за своей красоты были загублены баринном и как пропали потом бесследно.

Так, например, среди выксунских жителей еще до сего времени живет память об одной молоденькой девушке, известной под прозвищем Шапка. Оно было дано из-за причудливой прически, которую она как актриса носила на сцене. Девушка обладала, вероятно, большой красотой: рассказывали, что барин (вероятно, И. Шепелев) очень оберегал актрису, никуда ее не выпускал и держал при ней двух девушек, которые за ней следили. Не раз девушку видели в слезах, но о причинах ее слез никто не дознался. Сохранился только в памяти рассказывавших облик ее «чудной красоты»: ее видели мельком в окне помещения, в котором жили крепостные актрисы-балерины. Вероятно, красота девушки была причиной ее строгой изоляции и барского внимания к ней.

О барском «внимании», пагубном для крепостных актрис, говорит также история талантливой семьи Кочетовых, одной из немногих крепостных семей, чьи имена сохранила история в связи с Выксунским театром.

Сестры Кочетовы – Мария, Елизавета и Любовь – были старшими дочерьми Ивана Кочетова, крепостного Шепелева, управлявшего его имением. У них были разные амплуа: Мария выступала как драматическая артистка,

Ножка балерины.
Чугун. Выксунское
художественное
литье

Елизавета — как певица, Любовь — как балерина. Остальные члены семьи состояли при театре на ролях статистов.

Сложный и трудный путь артистической семьи Кочетовых подробно описывается в воспоминаниях П. А. Стрепетовой, приемной дочери Елизаветы Ивановны Кочетовой, в замужестве Стрепетовой¹¹. Этот путь связан и с именем Ивана Шепелева, владельца Выксунского театра.

Кочетовым туго пришлось в Выксе. Они вынуждены были бежать оттуда, так как старшая из сестер Кочетовых, Мария, получила неожиданно от Шепелева предложение сделаться его экономкой. Мария на это не согласилась, и вся семья во главе с возмущенным отцом должна была покинуть Выксу в двадцать четыре часа. П. А. Стрепетова подробно рассказывает в «Воспоминаниях», как они бедствовали после вынужденного отъезда из Выксы, пока им не удалось устроиться в Муроме, где на плечи второй дочери Кочетова, Лизы, легли заботы о всей семье.

Елизавета Ивановна Кочетова, певица, была наиболее одаренная из всех сестер. Своим исполнением она настолько выделялась среди других, что Иван Шепелев в бытность свою хозяином Выксы как-то предложил ей ехать за границу учиться пению — такое количество похвал он наслушался о ней от одной заезжей итальянской знаменитости, перед которой Елизавета Ивановна выступала в Выксе.

Как гласит семейное предание, Кочетов осмелился не пустить дочь за границу и, как ни странно, не получил за это никакого наказания. Зато результат отказа другой дочери, Марии, от барского предложения был плачевен: Кочетова просто-напросто выгнали из Выксы вместе с семьей. Несомненно, театр в Выксе сильно от этого пострадал, лишившись сразу трех талантливых артисток. У владельца же Выксы не стало преданного ему человека, никогда не злоупотреблявшего, подобно другим, своей властью управляющего. Впрочем, кто в Выксе обращал внимание на такие «пустяки»!

¹¹ *Стрепетова, П. А.* Воспоминания и письма. — Academia, 1934. — С. 69–91, 511–513.

В эту же пору существования Выксунского театра в Выксу приезжают для выступлений по приглашению ее владельца Ивана Шепелева известные актеры, например, гастролировавший в столице известный итальянский певец Скотти, обладавший, по отзывам его слышавших «густым, приятным и сильным по звуку басом». Выступают и другие певцы, о которых, к сожалению, известно только, что они являлись «обладателями контральто, сопрано, тенора». Наконец в Выксу приезжает та самая итальянская знаменитость, которая слушала Елизавету Ивановну Кочетову. Сам Шепелев, обладая, по свидетельству современников, небольшим баритоном, учился в Петербурге, у заезжего итальянца, и любил выступать в своем театре в такой, например, опере, как «Морской разбойник Цампа».

Украшения внутри театра

Вмешательство Шепелева в жизнь театра не ограничилось приглашением столичных артистов для обучения его крепостных или выступлением в опере. Он сам подбирал новых артистов, если того требовал характер постановки или надо было заменить одного исполнителя другим, сам занимался с хором и солистами-певчими, сам проводил репетиции с балетом, взяв под свое личное наблюдение преимущественно балерин, что вполне соответствовало его вкусам. При этом он замучивал своих крепостных частыми репетициями, сложными уроками, непомерными требованиями. Малейший промах выводил его из себя, вызывал взрывы бешеного гнева. Под внешним лоском, очень скоро, впрочем, утраченным, и благородной ролью покровителя изящных искусств таился страшный образ деспота и самодура — двойника его деда Андрея Баташева.

Подобно ему, И. Д. Шепелев не останавливался ни перед чем, если считал свои интересы ущемленными.

Часто это касалось театра и работавших в нем людей. Особенно ревниво он следил за своими фаворитками из балета или хора¹². Выксунским жителям памятен случай с капельмейстером из крепостных Улановым, имевшим неосторожность получить на репетиции записку от фаворитки Шепелева, о чем Шепелев узнал тут же. Уже на следующий день Уланова не было в живых «по причине апоплексического удара», как было объявлено актерам. По сравнению с такой зверской расправой метод обучения Шепелевым балерин с помощью камышовой трости «изрядных размеров», силу которой они ощущали ежедневно на своих спинах, казался совсем невинным.

Пользуясь своим положением магната-крепостника, «Нерон Ардатовского уезда», как звали Ивана Шепелева близко знавшие его люди¹³, требовал железной дисциплины в театре. Поэтому крепостные, работавшие в хоре и женском балете, втайне завидовали музыкантам, которыми сам Шепелев не занимался, передав всецело в ведение капельмейстера «со стороны» (Н. Я. Афанасьева). Но и музыканты не избегали печальной участи подневольных людей. За малейшую провинность их сажали в карцер, налагали на них денежный штраф, особенно если надо было кого-либо в театре наградить: награда шла из штрафных денег. Не проходили мимо них и более страшные наказания, что мы видели на примере Уланова.

Ревность, с какой И. Шепелев следил за выполнением всех правил, установленных им для крепостного актера, резко противоречила его равнодушному отношению к делам завода. Пользуясь этим, управляющие грабили, как могли, от чего особенно страдали выксунские крестья-

¹² Одной из диких прихотей Шепелева было изображать себя султаном, окруженным одалисками, что он и делал в своем доме, специально оборудовав обстановку, костюмы, заведя распорядок жизни «под турецкий стиль». Роль одалисок выпадала на долю крепостных актрис.

¹³ Об этом прозвище Н. Шепелева упоминается не однажды в воспоминаниях различных лиц — А. П. Глушковского, П. Л. Стрепетовой, Е. М. Феоктистова и др. (так же называли и его деда — Андрея Баташева).

не, задавленные барщиной, оброком, непосильным трудом, нищетой.

Еще при Баташеве возникали среди рабочих волнения, вызванные «скудным содержанием», как говорится в книге К. А. Пажитнова, или «жалобами на недостаточность заработной платы и на задержку в выдаче ее». В 1816 году, например, рабочие «бросили заводские работы, потушили печи и самовольно, скопом, все ушли с завода, нанеся большие убытки»¹⁴.

При Шепелевых недовольство рабочих усиливалось. В книге того же Пажитнова говорится, что в 1841 году были зарегистрированы волнения среди крестьян, отказавшихся приступить к работе, так как «заводская контора не уплачивает заработанных ими денег, производит иногда расплату железом, которое им приходится сбывать в убыток себе, а то и совсем возвращать конторе обратно за низкую цену...»¹⁵

О многих случаях недовольства среди крестьян Выксы рассказывают еще и теперь потомки крепостных, уделяя немало внимания тем, кто не боялся выступать открыто против барина. Таков рассказ о бесстрашной Дуне-водоноске, под влиянием которой крестьяне хотели присоединиться к восставшим рабочим, за что жестоко поплатилась и сама Дуня, и все восставшие¹⁶.

Безразличие И. Шепелева к заводским делам, неумение и нежелание ими заниматься, открытое расточительство — все это постепенно привело заводы к полному упадку. И в конце 40-х годов по просьбе сестер и младшего брата Шепелева на заводы была наложена опека. И. Шепелев был отстранен от управления ими и получил предписание немедленно покинуть Выксу. Он поселился в Москве, в родовом доме Баташевых-Шепелевых на Вшивой горке. Психическое расстройство, все признаки которого про-

¹⁴ Пажитнов, К. А. Положение рабочего класса в России. Т. II. — Л., 1925. — С. 226.

¹⁵ Там же. — С. 249.

¹⁶ Предания и сказки Горьковской области. — Горький, 1951. — С. 47, 48, 306.

ступали так явно еще в бытность его хозяином Выксы, овладело им в Москве окончательно, и он вскоре умер.

После назначения опеки Выксунскими заводами первое время ведал граф И. П. Кутайсов, муж старшей сестры И. Шепелева Елизаветы, помогавшей, как говорили, Шепелеву управлять заводами. Но вскоре он, как один из наследников Шепелева, был отстранен от управления, и опекуновство над Выксой перешло по назначению правительства всецело в руки Василия Александровича Сухово-Кобылина, полковника и отставке, дальнего родственника Шепелевых по жене его Марии Ивановне.

В. А. Сухово-Кобылин, как рассказывают выксунские старожилы, принялся прежде всего за сокращение расходов, связанных с тем образом жизни, какой вел бывший владелец заводов И. Шепелев. А так как значительная часть их падала на театр, то вскоре после введения опеки театральные представления были прекращены, сам театр, требовавший некоторого ремонта, сломан, а все театральное имущество – декорации, костюмы, бутафория – погружено на баржи и отвезено в Нижний Новгород в распоряжение местной театральной дирекции.

Трудно утверждать, действительно ли по распоряжению В. А. Сухово-Кобылина было сломано здание Выксунского театра и вывезено из Выксы театральное имущество. Мнения людей, рассказывавших об этом, расходятся. Одно только достоверно, что некоторое время спустя по просьбе тех же наследников Шепелевых было выстроено новое, третье по счету здание театра, но уже значительно меньших размеров. Отделка его тоже была менее роскошна, но и она обращала на себя внимание посетителей¹⁷.

Его репертуар состоял из комедий и водевилей русских и иностранных авторов. Там шел, например, нашумевший в свое время водевиль в 5 действиях Д. Ленского «Лев Гурьч Синичкин, или Провинциальная дебютантка»; шла опера-водевиль «Дезертир, или Тоска по отчизне» его же;

¹⁷ Внутренний и внешний вид театра показан на прилагаемых снимках, воспроизведенных по рисункам, взятым из журнала «Нива» за 1895 год № 43 (с. 1005).

Николай Дмитриевич
Шепелев

ставилась опера-водевиль «Кеттли, или Возвращение в Швейцарию» в переводе с французского, все того же Д. Ленского; ставились мелодрама Деннери и Лемунань «Материнское благословение» в переводе поэта Н. А. Некрасова и итальянская драма в 5 действиях «Отец и дочь» в переводе П. Г. Ободовского.

Водевиль чередовались в новом театре с мелодрамами, мелодрамы — с водевилями. Все

это требовало иного типа постановок, менее пышных, связанных с меньшими затратами, что вполне соответствовало существовавшему в то время положению дел на Выксунских заводах. Изменился за эти годы и состав зрителей: крупные заказчики вряд ли могли тогда интересоваться продукцией заводов, да и более мелкие остерегались иметь дела с Выксой. Отсюда — менее многочисленный и менее разнообразный состав зрителей, в основном родственники, знакомые наследников Шепелевых, их прихлебатели, а также немногие служащие и официальные лица, продолжавшие оставаться в Выксе.

Театр и при наследниках Шепелева оставался домашним театром «для себя», обслуживавшим узкий круг лиц, собиравшихся в доме выксунских заводчиков. Посещался ли театр самим В. А. Сухово-Кобылиным и членами его семьи — об этом не имеется никаких данных. Свидетельства современников касаются лишь исполнителей, указывая, что помимо крепостных в представлениях участвовали и члены семьи Шепелевых¹⁸. Немалое участие в жизни Выксунского театра той поры принимал и младший брат Ивана Дмитриевича Шепелева — Николай, не лишенный наследственной страсти к театру. По крайней мере лица,

¹⁸ Глушковский, А. П. Воспоминания балетмейстера. — М.-Л.: Искусство, 1940. — С. 132.

знавшие его близко, хотя бы тот же Н. Я. Афанасьев, утверждали, что когда готовился в Выксе к постановке новый спектакль и Николай Шепелев брался за его устройство, то никому не было от него покоя, особенно в день спектакля. Возможно, что, вынужденный бездействовать при жизни брата, он после отъезда последнего смог, наконец, проявить свои дремавшие наклонности, заняться делом по душе, причем оказался далеко не таким инертным и тупым, каким его считали. В этом можно убедиться, если принять во внимание, что Николай Шепелев находился в тесной дружбе с А. В. Сухово-Кобылиным, высоко ценившим его вкус и артистическое чутье.

А. В. Сухово-Кобылин довольно часто наезжал в Выксу в те годы, когда его отец жил там в качестве опекуна. Необходимо отметить, что хотя Сухово-Кобылины и состояли в дальнем родстве с Шепелевыми¹⁹, а мать драматурга, Марья Ивановна, по словам современников, обладала некоторыми чертами шепелевского характера, — вся семья Сухово-Кобылиных держалась далеко от отца и сына Шепелевых, осуждая образ жизни того и другого. В детстве Сухово-Кобылины редко посещали дом Шепелевых все по той же причине: родители опасались дурного влияния на них той распущенности, какая царила в доме Д. Д. Шепелева. Достаточно вспомнить характеристику этого дома, данную Евгенией Тур. Но к сестрам И. Шепелева и его брату Николаю Сухово-Кобылины относились с большой приязнью, а драматург даже дружил с Николаем, о чем мы будем говорить особо.

Семья Сухово-Кобылиных по образу жизни и культурному уровню резко выделялась среди окружавшего их общества. Почти все дети в этой семье были талантливы. Кроме Александра Васильевича, драматурга, владела пером его старшая сестра, Елизавета Васильевна, известная в то время как писательница под псевдонимом Евгения Тур. Вторая сестра, Софья Васильевна, была художницей

¹⁹ Мать драматурга, урожденная Шепелева, по отцу приходилась племянницей Д. Д. Шепелеву. Возможно, что это и послужило причиной назначения В. А. Сухово-Кобылина опекуном.

незаурядной: она первая из женщин получила золотую медаль Академии художеств. И лишь третья — Евдокия Васильевна не выделялась никакими талантами, хотя и была любимицей всей семьи.

Литературный салон Сухово-Кобылиных был широко известен в Москве сороковых годов прошлого века. В нем бывали многие передовые люди того времени. Учась в Московском университете, А. В. Сухово-Кобылин сблизился с А. И. Герценом, которого знал с детских лет. Эта близость положила

начало увлечению драматурга философией. Мы не будем останавливаться на подробностях жизни и творчества А. В. Сухово-Кобылина. Талантливый писатель-сатирик, произведения которого прочно вошли в золотой фонд русской классической литературы, интересен для нас главным образом как автор «Свадьбы Кречинского». Создание этой пьесы связано отчасти и с Выксой, и с ее обитателями, а постановка пьесы — с Выксунским театром, в репертуар которого она вошла в 50-х годах прошлого века.

В материалах по истории Выксы, архивах семьи Сухово-Кобылиных и самого драматурга — его письмах, частично опубликованных в печати, — почти ничего не говорится ни о Выксе, ни о связи драматурга с Выксунским театром. А между тем в творчестве Сухово-Кобылина она, несомненно, играла известную роль. В этом нас убеждают немногие факты, которые удалось установить по рукописному наследию и некоторым записям.

Из весьма любопытного наброска речи писателя, датированного 1895 годом — сорокалетием «Свадьбы Кречинского», — мы узнаем, что замысел пьесы зародился в Москве в семейном кругу писателя в 1851-1852 годах и что тогда же Сухово-

Сцена из спектакля по пьесе «Свадьба Кречинского»

Кобылин сел писать план пьесы и написал первые ее сцены: «Я должен был составить весь план, за что я на другой же день принялся. В следующую субботу план был готов и одна сцена, которую я, увлеченный планом, тут же и набросал. Я прочел план и предложил сцену, которая положила со смеху всю компанию...»²⁰. Некоторые записи в дневнике писателя, сделанные в Москве, а также Кобылинке, родовом имении Сухово-Кобылиных, относятся также к «Свадьбе Кречинского»: «В начале 1852 года начал писать пьесу»; «Лето 1852... Зачатие Кречинского». А в дневнике писателя от 1853 года встречается запись, так много нам говорящая: «1853. Январь, февраль, март. На Выксе писал пьесу»²¹.

Благодаря этой записи уже с полной уверенностью можно утверждать, что «Свадьба Кречинского» писалась в Выксе,

²⁰ Государственный центральный литературный архив, фонд 438, опись 2, ед. хр. 2.

²¹ Дневники, этот и последующие, относятся к архиву, считавшемуся погибшим при пожаре в Кобылинке в 1899 году. В настоящее время архив найден и передан в ведение архивных органов, но к сожалению, еще не весь разобран, что весьма затрудняет пользование им. См. об этом подробно в статье К. Л. Рудницкого «Новые материалы о Сухово-Кобылине», «Ежегодник Института истории искусств». — М.: Театр, 1955. — С. 258–259. Статья К. Л. Рудницкого интересна еще и тем, что в ней мы находим опровержение распространенного среди многих исследователей мнения в создании «Кречинского» за границей.

что Выксу, следовательно, можно отнести к местности, связанной не только с театром, там существовавшим некогда, но и с жизнью и творчеством Сухово-Кобылина.

Содержание «Свадьбы Кречинского» достаточно хорошо известно, чтобы излагать его здесь. Нам хотелось бы лишь сказать, что в свете новых, более правильных, на наш взгляд, данных о том, что пьеса писалась в Выксе, получают особое значение сохранившиеся местные предания о некоем лесничем, работавшем в одном из лесных выксунских участков и имевшем якобы по своему внешнему и внутреннему облику сходство с образом Кречинского.

М. В. Шарова, знавшая немало легенд и преданий о Баташевых и Шепелевых, включает в их число и легенду о лесничем, перешедшую к ней от ее бабки. Пьесы ни та, ни другая не видели, но слышали о ней не раз.

— Статный он был, — рассказывает Шарова, — красавчик, заглядывались на него бабы — ужас как! А он на кого ни глянет — до нутра ровно пронзит. Глаз у него зоркий был, приметливый! Кто послабей — боялись его, а кто покрепче — обходили. Не хотели, видно, с ним столкнуться, чтоб греха не вышло²².

Не менее яркую характеристику лесничего дает и потомственный рабочий Выксунского завода В. И. Шаронов. На мой вопрос, не слыхал ли он о лесничем, Шаронов ответил:

— Толкуют всяко. Однако и мне сдается — этот, главный на сцене, на лесничего схож. Мой дед сказывал, будто про него, про лесничего, пьеса писана. Уж больно обличье и повадки его. Лесничий-то, говорят, куда как ловок был! Барина как хошь обманывал, вокруг пальца обвертывал. А барин и виду не подавал, молчал. Поди ж ты!²³

Предания о выксунском прототипе Кречинского тем более интересны, что добавляют новые сведения о жиз-

²² Запись от Марии Васильевны Шаровой, семья которой с незапамятных времен связана с Выксой. О ней и ее рассказах см. в книге «Предания и сказки Горьковской области», с. 306.

²³ Запись от Василия Ивановича Шаронова в г. Выксе. О нем и его рассказах см. там же.

ненной основе создаваемых Сухово-Кобылиным художественных образов.

Как известно, вопрос этот рассматривался многими исследователями с той точки зрения, что Сухово-Кобылин якобы «списывал» свои образы с натуры, без художественных обобщений типичных черт отдельных лиц. При этом обычно указывалось как на подобного рода «натуру» — на некоего Крысинского, шулера и самозванца, выдававшего себя в Петербурге за графа и разоблаченного там. Крысинский считался единственным прототипом Кречинского, чему способствовало и сходство фамилий²⁴.

Но не так давно в статье, посвященной творчеству Сухово-Кобылина, был упомянут второй прототип образа Кречинского — некий Голохвастов, «современник молодости Сухово-Кобылина». Драматург, как указывается, знал Голохвастова лично и даже подражал ему в молодости²⁵.

В приведенных нами преданиях указывается третий прототип того же образа Кречинского. Весьма вероятно, что лесничего драматург мог знать лично или слышать в Выксе рассказы о нем. Существование трех прототипов одного и того же образа подтверждает несостоятельность предположений о «копировании» Сухово-Кобылиным своих образов с натуры. Писатель, несомненно, типизировал те или иные черты людей, создавая из них единый художественный образ.

Упоминание Выксы в связи с созданием «Свадьбы Кречинского» интересно еще и тем, что драматург не только писал здесь пьесу, но и читал ее, еще не законченную, Николаю Шепелеву. Об этом мы узнаем из посвящения к «Смерти Тарелкина», адресованного драматургом Н. Д. Шепелеву²⁶. Приводим текст этого посвящения полностью.

²⁴ См. «Ежегодник императорских театров», сезон 1902–1903 гг., приложение 3.

²⁵ См. статью К. А. Рудницкого «Новые материалы о Сухово-Кобылине», С. 294–295 и его книгу «А. В. Сухово-Кобылин». — М., 1957. — С. 43–46.

²⁶ *Сухово-Кобылин, А. В. Трилогия.* — М.—Л., 1955. — С. 189.

«НИКОЛАЮ ДМИТРИЕВИЧУ ШЕПЕЛЕВУ

Любезный Друг,

Не вместе ли с тобой еще юношами жили мы на высотах Альбано, в памятной нам Locanda Emiliana и зачитывались Гоголем до упаду.

Не твое ли чуткое артистическое чувство предрекло Кречинскому серьезный успех еще тогда, когда он писался шутки ради, и не от тебя ли слышал я тогда же первое и, могу с правом сказать, единогласное одобрение.

И теперь — несколько недель тому назад, озабоченный спешною отделкой «Смерти Тарелкина» — не к тебе ли обратился я за советом и не твоими ли верными указаниями Артиста наведен я на поправки, которые дали этой Пиесе целость и вложили в нее Логику Мотивов.

Право — старая наша дружба лишнего не сделала, когда она мне шепнула сделать себе это посвящение и поставить в головах этой третьей и последней моей Пиесы твое, близкое мне, имя.

*Тебе преданный А. Сухово-Кобылин.
1896 г., февраля 20, Москва».*

В посвящении говорится, что «Кречинский» был читан Шепелеву в те дни, когда пьеса «писалась шутки ради», т. е. когда она только была начата и не представлялась драматургу в том значительном виде, какой она впоследствии приняла. Чтение происходило, вероятно, в Выксе в те же зимние месяцы 1853 года, о каких Сухово-Кобылин упоминает в своем дневнике, — «генварь, февраль, март». Тогда же услышал драматург от Шепелева «единогласное одобрение» своей пьесы, предсказавшее ей заслуженный успех.

В позднейших записях дневника писателя указывается, что пьеса им читалась родным и знакомым 3 апреля 1853 года. Где происходило это чтение — в дневнике не указывается. Скорее всего, это было в Москве, где состоялась премьера пьесы.

Дружба между Сухово-Кобылиным и Николаем Шепелевым, начавшаяся с юных лет, продолжалась долгие

годы. Во всяком случае она существовала в 1869 году, когда была написана третья и последняя пьеса Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» с посвящением ее Николаю Шепелеву. Поэтому вполне естественно задать вопрос: а как же проходили за эти годы постановки «Кречинского» на сцене Выксунского театра, каково было участие автора в этих постановках, делались ли им авторские поправки к тексту и т. д.

К сожалению, мы не находим ответов на это ни в архиве Сухово-Кобылина, ни в печати. Лишь по заметке в журнале «Нива» за 1895 год можно судить, что пьеса входила в репертуар Выксунского театра позднейшего периода его существования²⁷. Этим ограничиваются сведения о ней в печати по отношению к Выксе.

Мы также не знаем, когда эта пьеса шла впервые на выксунской сцене. Разрешение на ее постановку было получено драматургом год с лишним спустя после ее окончания – 28 ноября 1855 года²⁸. Сразу ли она была поставлена в Выксе или некоторое время спустя, использована ли была по отношению к ней обычная для провинциальных театров традиция – включение в репертуар пьесы лишь после того, как она шла на столичной сцене, сделано ли было для Сухово-Кобылина исключение ввиду того, что автор пьесы приходится родственником владельцам Выксунского театра, – все это остается неизвестным. Можно надеяться, что дальнейшее изучение архива А. В. Сухово-Кобылина прольет свет на эту интереснейшую сторону жизни Выксунского театра.

Примечательно, однако, само по себе уже то обстоятельство, что «Свадьба Кречинского» – живое обличение нравов дореформенной России – шла в Выксе, на сцене театра, выросшего в недрах крепостничества, и что последние владельцы Выксы включили ее в репертуар своего театра. Нам только кажется странным, что

²⁷ Журнал «Нива», 1895, № 42. – С. 1010.

²⁸ Что касается двух других пьес Сухово-Кобылина, то разрешение на их постановку было получено много лет спустя: «Дело» – в 1881 году, «Смерть Тарелкина» – в 1900 году.

А. В. Сухово-Кобылин, так близко стоявший к Выксе и ее владельцам, любивший, несомненно, театральное искусство и хорошо разбиравшийся в нем, ни разу не упомянул в своих записях о Выксунском театре, имевшем долголетнюю солидную репутацию. Как драматург, он не мог не интересоваться театром и его постановками. И если впоследствии мы видим на сцене этого театра «Ревизора» Н. В. Гоголя, то можно со всей вероятностью предполагать, что включением ее в свой репертуар Выксунский театр обязан в большей мере Сухово-Кобылину, воспринявшему в своем творчестве гоголевские традиции. Стоит вспомнить в связи с этим посвящение к «Смерти Тарелкина», приводившееся нами: в нем драматург говорит о своем увлечении Гоголем в молодые годы.

Удивляет также тот факт, что редко кто из людей, посещавших в Выксе семью Сухово-Кобылиных, говорил в своих воспоминаниях о театре, хотя среди них, как мы уже упоминали, были люди высококультурные.

Обходит молчанием театр Шепелевых и сестра драматурга, писательница Е. Тур. Это тем более непонятно, что среди знакомых ее семьи, дружески к ней расположенных, мы встречаем супругов Кудрявцевых, чьи имена упоминаются в связи с шепелевским театром. На этом весьма интересном эпизоде из жизни театра необходимо остановиться более подробно.

Как мы упоминали, на выксунской сцене пятидесятых годов прошлого века вместе с крепостными нередко выступали и любители — прежде всего наследники Шепелевых. Выступали также их знакомые, обладавшие в какой-то мере сценическим талантом.

В этом убеждает найденный нами в Выксе, в архивах Баташева-Шепелева, проект договора от августа 1851 года между Николаем Дмитриевичем Шепелевым и некой «Варварой Арсентиевой, дочерью Кудрявцева, урожденной NN, женой экстраординарного профессора Московского университета». Проект договора говорит о том, что «Варва-

ра Арсентиева... во всем блеске показавшая разнообразие прекрасного своего сценического таланта», должна «принять участие в театральных зрелищах, предполагаемых состояться в означенное лето 1852 года... Доказательством же глубокого впечатления, произведенного совершенной игрой г-жи Кудрявцевой на чувства зрителей, вызывает общее сожаление выксунской публики о предстоящем ее, г-жи Кудрявцевой, отъезде из завода».

Написанный на двух развернутых страницах убогим почерком договор представляет несомненный интерес, хотя он и составлен в шутовском тоне. В нем открывается одна из страничек мало известной нам жизни Выксунского театра пятидесятых годов, когда он шел уже постепенно к упадку, но все еще имел славу театра, когда-то гремевшего на всю губернию. В договоре говорится, что «кроме пьес на выксунской сцене должны идти и драматические представления»²⁹, что назначение пьес будет зависеть от «выксунской театральной дирекции»³⁰. Говорится также о том, что драму для постановки Кудрявцева должна выбрать из репертуара императорских театров, но с таким расчетом, чтобы она была доступна для исполнения средствами домашнего театра. Упоминается также, что исполнители имеют право согласовывать выбор роли и что за два месяца театрального сезона, как правило, должно быть поставлено не менее четырех пьес.

Так, мы находим в проекте этого договора положения, характеризующие основы, на которых строилась жизнь Выксунского театра последнего периода. И хотя, повторяем, общий тон этого проекта договора шутовской – Шепелев, например, именуется «одним из ревностнейших жрецов сценического искусства» и включает такие фантастические пункты, как уплата 10 000 рублей неустойки каждой стороной в случае нарушения какого-либо пункта,

²⁹ Подобного рода оговорка не случайна: ею Шепелев хотел, вероятно, подчеркнуть, какого рода пьесы ему хотелось бы видеть на сцене.

³⁰ Под театральной дирекцией подразумевались, вероятно, наследники Шепелева.

этот документ весьма ценен для изучения истории Выксунского театра³¹.

Надо сказать, что супруги Кудрявцевы — лица не вымышленные. Они действительно существовали.

В конце 40-х и начале 50-х годов в Московском университете читал историю профессор Петр Николаевич Кудрявцев. Он и его жена, Варвара Арсентьевна, были близкими друзьями молодых Сухово-Кобылиных и очень были ими любимы. Евгения Тур, высоко ценя Кудрявцева, посвящает даже ему небольшую книжечку воспоминаний³², описывая глубокие чувства любви и дружбы, соединявшие эту пару, и талант Варвары Арсентьевны копировать людей, «передразнивать», как выражается Е. Тур. Вероятно, этот талант дал возможность Шепелеву составить проект договора. Характерно, что Е. Тур, описывающая, с каким суровым осуждением Кудрявцев относился к таланту своей жены, несмотря на горячую любовь к ней, опять-таки ничего не говорит о возможных выступлениях Кудрявцевой на выксунской сцене. Такого рода замалчивание, затрудняющее поиски данных о Выксунском театре, встречается не только у Евгении Тур. А. С. Гациский, известный нижегородский исследователь и неутомимый краевед, выпуская в 1867 году книжечку о Нижегородском театре, пишет: «Совершенно полной истории Нижегородского театра я представить не могу по отсутствию для того материалов; так, например, я ничего не сказал о существовании лет 30 назад театра в Выксе, в Ардатовском уезде, или так называемом «Шепелевском театре»³³. Ничего не говорится о театре и в различного рода справочном материале, посвященном Баташеву, хотя история зарождения и развития его заводов представлена подробно. О генерале же Шепелеве и его театральной деятельности говорится и того меньше. И лишь с переходом

³¹ Из этого проекта мы также узнаем, что кроме перечисленных нами водевилей и пьес в Выксунском драматическом театре ставился «Ревизор» Н. В. Гоголя, в котором с успехом выступала В. Кудрявцева, а также пьеса С. Корфа «Белая камелия».

³² Профессор Петр Николаевич Кудрявцев. Воспоминания Евгении Тур. — М., 1867, стр. 135.

³³ *Гацицкий, А. С.* Нижегородский театр (1798—1876). — Н. Новгород, 1867. — С. 135.

заводов в руки Ивана Дмитриевича Шепелева, чье имя приобрело печальную известность в Выксе, приблизительно с начала 30-х годов, начинают проскальзывать в печать сведения о Выксунском театре и отдельных этапах его развития.

Долго ли существовал Выксунский театр после того, как была наложена опека на заводы, — нам неизвестно. Из «Посвящения Николаю Шепелеву», о котором мы неоднократно упоминаем, очевидно, что, когда писалось это посвящение в 1869 году, Николай Шепелев был еще жив. Вероятно, театр в то время еще работал. Но имел ли Николай Шепелев к нему какое-либо отношение за последние годы своей жизни — данных не сохранилось. Известно лишь, что окончательно театр был сломан в 1894 году. Представления в нем прекратились, вероятно, значительно раньше.

Память о талантливых крепостных людях живет в Выксе не только в преданиях и рассказах. Нам довелось видеть среди изделий, сделанных на Выксунских заводах, изображение ножки балерины, вылитое из черного металла. По местным преданиям, это ножка одной из крепостных актрис. По изяществу позы и красоте линий, а также по своим небольшим размерам (ножка сделана в натуральную величину) она вполне может поспорить с ножками известных балерин. Там же, на заводе, отлита в натуральную величину женская рука в плотно прилегающей к ней перчатке с узорчатой кружевной манжетой. По тем же преданиям, она изображает руку одной из крепостных актрис, имя которой, как и первой, не сохранилось.

Глядя на эти произведения искусства, не знаешь, чему удивляться: благородству ли линий, взятых, несомненно, с натуры, искусству ли мастера, сумевшего при тяжелом материале сохранить прозрачность кружева перчатки, изящность танцовщицы. Безвестные художники воплотили в своих произведениях образы таких же безвестных актрис и актеров, вписавших своими талантами яркие страницы в историю русского крепостного театра.

РЕПЕРТУАР ВЫКСУНСКОГО ТЕАТРА В РАЗЛИЧНУЮ ПОРУ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

При Иване Родионовиче Баташеве

1. «Крестьяне, или Встреча незваных».

Новая опера-водевиль А. А. Шаховского (1814 г.) в 2 действиях.

Музыка набрана из русских песен С. Титовым.

При Дмитрие Дмитриевиче и Иване Дмитриевиче Шепелевых

2. «Дон Жуан».

Опера в 2 действиях Моцарта, в 1822 г. перевел И. Калашников.

3. «Роберт-Дьявол».

Опера в 5 действиях Мейербера, либретто Скриба и Делапиль, перевод Ап. Григорьева.

4. «Пират».

Опера в 2 действиях Беллини, либретто в переводе Д. Ленского.

5. «Морской разбойник Цампа, или Мраморная невеста».

Опера в 3 действиях Герольда (1836 г.).

6. «Фра-Дьяволо, или Остерия в Террачине».

Комическая опера в 3 действиях, музыка Обера, текст Скриба.

7. «Волшебный стрелок».

Опера Вебера, слова Р. Зотова.

При наследниках Шепелева

8. «Белая камелия» (1851 г.).

Сцены из обыкновенной жизни, пьеса бар. С. Корфа.

9. «Отец и дочь».

Драма в 5 действиях, перевод с итальянского П. Г. Ободовского.

10. «Материнское благословение».

Французская мелодрама Деннери и Лемуанн. Перевод Н. Некрасова.

11. «Кеттли, или Возвращение в Швейцарию».

Опера-водевиль в одном действии. Перевод с французского Д. Ленского (1835 г.).

12. «Дезертир, или Тоска по отчизне».

Опера-водевиль Д. Ленского (1836 г.).

13. «Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка».

Водевиль в 5 действиях. Переделка Д. Ленского французской пьесы «Отец дебютантки». Воннар и Теолон (1844 г.).

14. «Ревизор».

Комедия в 5 действиях Н. В. Гоголя (первое представление комедии состоялось в Петербурге в Александрийском театре 19 апреля 1836 г.).

15. «Свадьба Кречинского».

Комедия в 3 действиях А. В. Сухова-Кобылина. (Разрешение на постановку получено было 28 ноября 1655 г.)

Примечание.

Названия произведений приведены полностью. Они взяты с заглавных листов этих произведений, хранящихся в архивах Государственного театрального музея имени Бахрушина. В скобках указан год выхода их в свет. В некоторых случаях («Ревизор» и «Свадьба Кречинского») указаны даты их первой постановки.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентина Васильевна Балдина

Дело всей ее жизни.....3

Нина Дмитриевна Комовская

Из истории крепостного театра в Выксе29

«Приокская глубинка» № 1 (7) 2009
Краеведческий альманах

Издание зарегистрировано
в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство ПИ № ФС 18-3716 от 10.01.2008

Учредитель
Управление культуры
администрации Выксунского района
Нижегородской области

Главный редактор
Галина Константиновна Никулина

Художник
Юрий Васильевич Гальянов

Адрес редакции
607060, Нижегородская обл.
г. Выкса, микрорайон Центральный, д. 20

Свободная цена

Издательство

603000, Нижний Новгород
ул. Короленко, д. 19^А
Телефон (831) 277-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ООО «Растр-НН»

603024, Нижний Новгород,
ул. Белинского, 61
Телефон (831) 419-56-83
E-mail: rastrnn@nts.ru

Подписано в печать 20.01.09
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ № 789

Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха